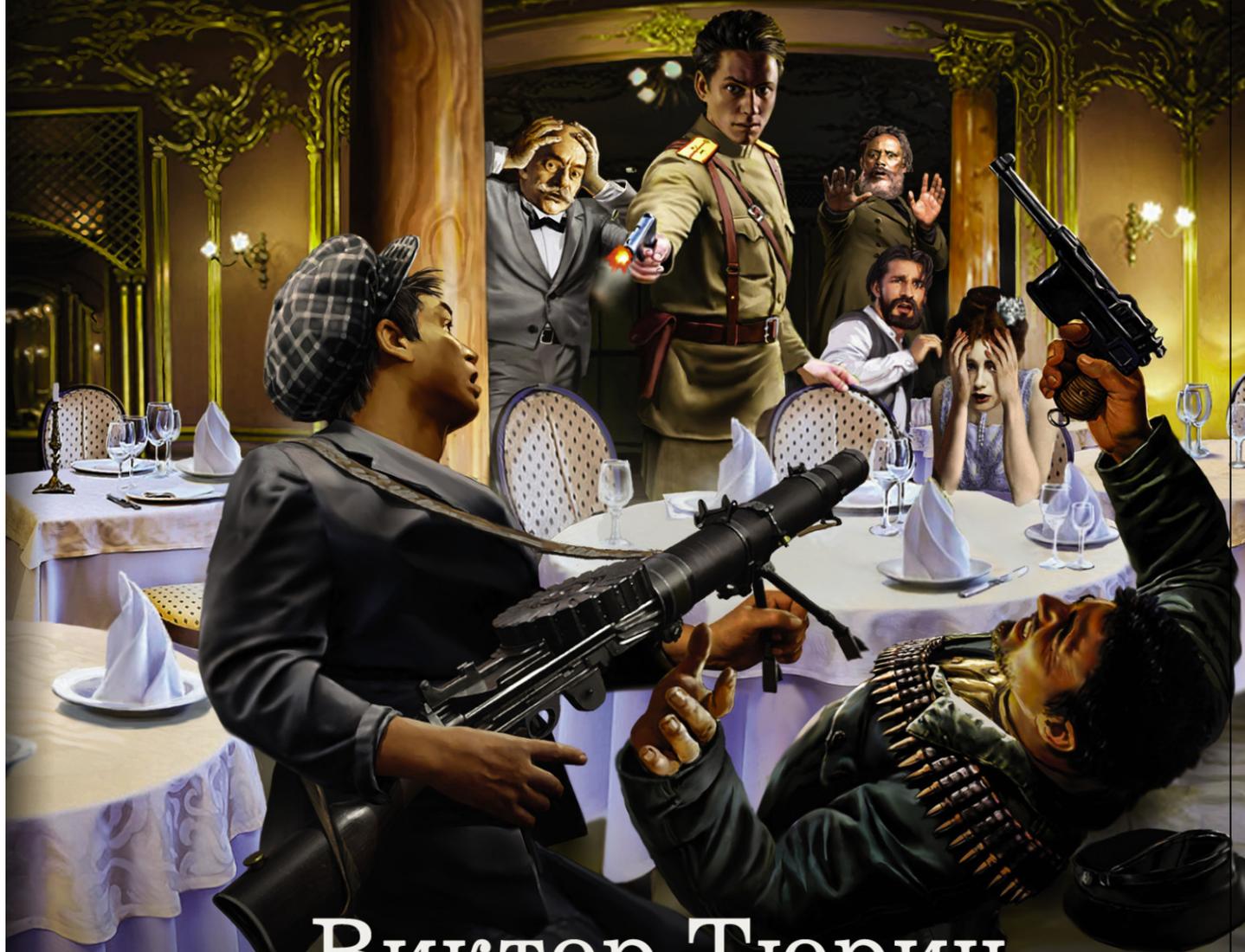

попаванец

ПОПАВАНЕЦ

Виктор Тюрин

1918 ГОД:
РАССТРЕЛЯННОЕ
ЛЕТО

Попаданец (АСТ)

Виктор Тюрин

1918 год: Расстрелянное лето

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Тюрин В. И.

1918 год: Расстрелянное лето / В. И. Тюрин — «Издательство АСТ», 2021 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-137830-1

Профессиональный военный попадает в тело поручика царской армии на альтернативной Земле. Идет 1918 год. Гражданская война. Уже с первых минут осознания себя ему придется бороться за свою жизнь. Украина. Ростов. Москва. Все это вехи извилистого пути, который он прошел за два летних месяца. Военный до мозга костей, воспитанный приемным отцом, боевым офицером, прошедшим ряд горячих точек, был выращен на одной-единственной фразе: «Политики и партии – ничто, Россия – всё». Казалось бы, теперь можно выбрать любую дорогу, по которой он сможет пойти, вот только выбор был сделан им давным-давно. Он был и остается русским офицером, готовым служить России. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-137830-1

© Тюрин В. И., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	7
Украина	9
Глава 2	23
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виктор Тюрин
1918 год
Расстрелянное лето

Серия «Попаданец»
Выпуск 111

Иллюстрация на обложке Сергея Курганова
Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Виктор Тюрин, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Пролог

Наша семья распалась, когда мне было десять лет. Мать бросила отца (он был тренером по боксу и очень тяжелым по характеру человеком) и уехала в неизвестном направлении, после чего тот спился, ввязался в драку и угодил в тюрьму. Больше в моей жизни отец не появлялся. Меня взял на воспитание его старший брат. Профессиональный военный, прошедший горячие точки, он получил тяжелое ранение и был вынужден уйти на пенсию. Будучи предприимчивым человеком, недолго оставался не у дел и скоро занял место начальника охраны крупного предприятия. Вроде все у него было. Отличная работа, любящая жена и... сын. Вот только тут произошла осечка. Пока отец воевал, сын незаметно превратился в наркомана. Его вылечили, но вот в сердце отца его уже не было. И тут появился я. Он увидел во мне второй шанс, который дала ему судьба. Усыновив меня, он надеялся сделать из меня то, что хотел видеть в своем сыне, видеть настоящего мужчину, воина, бойца. Из меня получилась хорошая заготовка, потому что я был готов на всё, лишь бы снова не оказаться одному в холодной и грязной квартире, где ничего нет ценного, кроме пустых бутылок. Кровавая драка пьяного отца со своими собутыльниками. Пьяная голая баба, вся в блевотине, спавшая на полу в ванной. Наряды милиции, злобная ругань соседей, презрительные взгляды одноклассников. Все это я заставлял себя вспомнить, когда не хотелось вставать рано утром и бежать во двор, чтобы час посвятить себя специальной зарядке, разработанной для меня отчимом. Мне приходилось ее делать в любую погоду, так как мороз, дождь, гололед в расчет моим новым отцом не принимались. Рукопашный бой, тир, плавание, прыжки с парашютом. Стараясь изо всех сил, я даже не заметил, когда мой далеко не стандартный образ жизни стал для меня повседневным и привычным.

Мне понравился вкус побед. Я получал удовольствие от схваток с сильным соперником, от точного выстрела, который приносил мне победу в соревнованиях. К этому, наверно, надо прибавить мою предрасположенность к подобной жизни, иначе бы я просто превратился в обычного офицера, который всю свою жизнь мотался бы из гарнизона в гарнизон. В становлении мне немало помогли звериные инстинкты, когда приходилось выживать, в полном смысле этого слова, живя с отцом. Приемный отец не только укреплял и развивал эти способности, а вместе с ними тренировал мою память и наблюдательность к мельчайшим деталям. В дальнейшем специальные методики и преподаватели сумели отточить их до совершенства.

После школы я пошел в армию, так хотел отчим, считавший, что военную карьеру нужно начинать с нуля. Для меня практически ничего не изменилось, за исключением того, что свою комнату я сменил на казарму. После армии я окончил военное училище и в свои двадцать восемь лет был уже опытным, обстрелянным офицером, когда поступило новое предложение. Спросил совета у своего отца, тот дал добро, после чего я поступил и закончил спецшколу, став «специалистом широкого профиля». Вся моя последующая жизнь пошла по накатанной колее: мне ставили задачу, я ее выполнял.

Мои детские воспоминания, что остались в памяти, отвратили меня от создания семьи. Преподавателей, а позже и начальство, такая постановка вопроса вполне устраивала. Как мне как-то сказал один из преподавателей: «Неуязвим тот, кто ни к кому и ни к чему не привязан».

Мой обширный опыт включал в себя двадцать три года участия в спецоперациях по всему миру, как в составе группы, так и в одиночку, создав уникальный сплав разведчика и бойца. Работать приходилось и в горах, и в джунглях, и в городах. Как-то в разговоре со своим коллегой, хобби которого были древние самураи, я услышал и запомнил одну его фразу: наша работа даже рядом не стояла с «кодексом чести самурая». Мне бы рассмеяться над его словами, но я тогда даже не улыбнулся, так как за годы своей военной карьеры сумел совместить понятие «война» со словом «работа», а слово «убийство» у меня осталось для гражданской жизни. Даже в этом случае так считал не я, а уголовный кодекс. Исторического хобби, как у

моего коллеги, у меня не было, и большую часть своего свободного времени я посвящал тому, что считал неотъемлемой частью своей работы, рукопашному и ножевому бою. Так и прошла моя жизнь, полностью отданная служению Отчизне, завершившись – неожиданно и банально – на больничной койке.

Украина

Глава 1

Я стоял перед открытой дверью, нет, скорее, это был проем, из которого бил серебряный свет, заливавший все вокруг меня, но при этом он не слепил. Я знал, что мне надо идти вперед, но почему-то замер в непонятном для меня ожидании. Ваш выбор. Это были не слова, а понимание того, что мне предстоит сделать. Потом появился образ женщины. Она была чуть выше среднего роста, темноволосой, синеглазой, стройной. Очень красива. Причем ее красота была не яркой и вызывающей, а мягкой и спокойной. Я уже тонул в ее взгляде, как вдруг неожиданно увидел несколько расплывающееся перед глазами лицо мужчины.

– Вадим Андреевич, голубчик, вы...

Надо мной нависла чья-то плотная фигура, в бело-грязной рубашке, от которой просто отвратительно пахло. С шеи на веревочке свисал крестик. Прищуренные близорукие глаза мужчины вглядывались в меня с каким-то непонятным изумлением. В следующий миг раздался металлический скрежет и в полутьму ворвался поток солнечного света. Я закрыл глаза.

– Что, крысы золотопогонные, у двери столпились? Прощаетесь?! Ничего! Скоро вы все в штаб к Духонину пойдете! Завтра комиссар приедет и все вам! Революционный суд всем, суки, устроим. А ну, гады, отошли в сторону! Митька! Ты там скоро?!

Откуда-то, явно недалеко, раздался чей-то громкий голос:

– Да щас, Фрол! Щас!

Я услышал шорох одежды, а потом почувствовал гнилое дыхание, вырывавшееся из чьего-то рта.

– Он точно сдох?

Моя звериная интуиция забила в набат, готовя меня к схватке. Все, что происходило со мной, было непонятно, а значит, опасно. В таких случаях я всегда действовал на опережение. Открыв глаза, быстро вскочил. Кто-то за моей спиной удивленно выкрикнул:

– Не может быть!

Следом за ним другой мужской голос удивленно и растерянно произнес:

– Матерь божья, да как же это?!

Стоя в шаге от солдата, я оценивал его как человека и как противника. Он был в грязной, с резким запахом пота, гимнастерке, с широко раскрытыми глазами, сжимал в руках винтовку. На голове, сдвинутая на затылок, фуражка со звездочкой. Глаза злые и растерянные. Мозг мгновенно оценил полученную информацию: гимнастерка старого образца, звездочка на фуражке с плугом и молотом, ботинки и обмотки на ногах, винтовка – мосинка. Солдат Красной армии?! Я пока не понимал, что происходит, но от солдата прямо несло опасностью. Несколько секунд – и растерянность в солдате сменилась на ярость. Стоило мне это почувствовать, как эмоции привычно исчезли, уступив место боевым рефлексам, но первый ход я предоставил противнику, и только из-за того, что совсем не владел ситуацией. Убить его для меня не было проблемой, но потом как-то неудобно извиняться перед мертвецом, если я неверно понял ситуацию.

– Ах ты, сука белогвардейская... – руки солдата привычно перехватили винтовку, направляя ствол в мою сторону, вот только довести дело до конца я ему не дал. Секунда – и винтовка чуть ли не вылетает из рук солдата. Вторая секунда – новый удар ломает ему гортань, забивая крик обратно в глотку. Резко хватаю солдата за плечо и рву на себя, одновременно уходя в сторону. Солдат, уже за моей спиной, роняет винтовку, падает и хрипит. Слышно, как к сараю подъезжает телега, а также разговор двух человек. Дверь распахнута наружу, причем в их сторону, поэтому видеть они ничего не могли, но вдруг что-то услышали. Прислушива-

юсь. Нет, разговор они не прервали, а значит, ничего не заметили, зато через несколько секунд встревожатся, поэтому надо действовать быстро и прямо сейчас. Вперед! Выскочив из сарая, я вижу остановившуюся телегу с сидящим в ней дедом-возчиком и стоящего рядом с ним худого, долговязого солдата с винтовкой за плечом. Он в этот самый момент громко рассказывает деду про фильм, которую когда-то видел в городе, при этом, как сумасшедший, жестикулирует руками. Стоило им увидеть меня, выскочившего из сарая, словно чертик из коробочки, оба резко замолкают и цепенеют. Рывок – и я уже около солдата. Он успевает только сбросить с плеча винтовку, но получив жесткий удар в кадык, роняет оружие и хватается обеими руками за горло. Хрипит, багровеет лицом, затем падает на колени. Хватаю с земли винтовку, с силой бью солдата прикладом по голове. Слышен хруст костей, и тело, тело уже беззвучно заваливается на бок. Оглядываюсь по сторонам, оценивая обстановку и степень опасности.

Сарай, где держали пленных, был расположен на краю деревни. Рядом находилось большое пепелище, которое отделяло сарай от остальных домов, а так как сгорело строение не до конца, то частично загораживало от возможных любопытных взглядов. Ближайшие ко мне дома стоят за заборами, на окнах белеют занавески, да и дворы в густой зелени. Заметить то, что произошло, можно было только в том случае, если кто-то будет стоять прямо сейчас у окна и смотреть в нашу сторону, но в любом случае надо как можно быстрее убрать труп от чужих глаз, но сначала я бросил взгляд на деда. На его голове была соломенная шляпа, из-под которой выбивались давно не стриженные седые волосы. Загорелое морщинистое лицо. Седые усы свисали вниз, переходя в лохматую бороду. В глазах растерянность и страх.

«Надо успокоить человека. Источник информации».

– Сиди спокойно, отец, и останешься жив. Обещаю.

Он зачем-то несколько раз кивнул головой, а потом стал быстро-быстро креститься.

– Господи, спаси, господи, спаси... – донеслось за моей спиной тихое бормотание старика.

Не успел я схватить труп солдата за руку, как мне на помощь пришел крепко сбитый дядька в натальной рубаше и кальсонах. Его голова была наголо обрита, в отличие от лица, заросшего щетиной, которое было в синяках и кровоподтеках. Вдвоем мы затащили мертвеца за избу и кинули в бурьяне, который в изобилии рос за сараем. Только сейчас я обратил внимание, что за околицей расстилается широкая степь. Порыв ветра словно поднял волны в этом серо-зеленом море, принеся с собой ароматы разнотравья. Солнце грело, но не так сильно – дело шло к вечеру. Мозг автоматически отметил, что там, где я умер, был февраль.

«Там зима, тут лето».

Я позволил себе на минуту отвлечься. Передо мной всегда ставили задачи, которые, в принципе, решались, и пути их решения упиралась только в материальные и человеческие ресурсы, вот только в данной ситуации не было логики, которая могла бы объяснить мое появление здесь, зато были неподдающиеся объяснению факты. Там я умер и возродился здесь, отброшенный назад во времени, в теле умирающего офицера. Вторым пунктом шел якобы сон, который я видел, перед тем как очнуться. Правда, с выбором, который я якобы сделал, было как раз неясно. Зачем мне дали второй шанс, если я об этом не просил? Или это и есть задание, которое мне надо выполнить в этом времени? Время на размышление закончилось. Теперь мне срочно, прямо сейчас, была нужна информация, которая должна дать основу для решения задачи по моему выживанию. Посмотрел на своего коллегу по несчастью. Похоже, он все это время наблюдал за мной. В его взгляде, похоже, был весь набор эмоций, от настороженности до любопытства.

«Если я здесь умер, а потом ожил, то вполне понятен его взгляд», – подумал я, но сказал другое:

– Я частично потерял память, поэтому мне нужно быстро разобраться в ситуации, чтобы выжить. Впрочем, судя по ситуации, это касается не только меня, но и всех вас.

Его глаза чуть расширились, что говорило о еще большем удивлении, но при этом он сохранил самообладание, не стал задавать ненужные вопросы и просто кивнул головой.

– Тогда продолжу. Те двое солдат приехали с телегой, чтобы похоронить мертвеца, то есть меня, я правильно понял? Еще. Мы все пленные, которых скоро должны были расстрелять красные?

– Вы все правильно поняли.

– Тогда нам сейчас надо выиграть время, а значит, создать видимость, что все идет хорошо. Для этого надо переодеть одного человека в красноармейскую форму, пусть изображает часового у сарая. Остальным не выходить. Идемте. Мне надо поговорить со стариком.

После моих слов взгляд бритоголового сразу изменился, стал внимательным и цепким, но решение принял сразу:

– Идемте, поручик.

«Значит, поручик. Примем к сведению».

Из сарая, за исключением нас, никто не выходил, но за порогом, в шаге от двери, стояли двое пленных с винтовками в руках. Бросил быстрый взгляд на них, ожидая увидеть в их глазах отчаяние, но ничего похожего не нашел. Босые и избитые, в нижнем белье, офицеры в то же время излучали решительность и готовность идти до конца. К одному из них быстро подошел бритоголовый и о чем-то тихо стал говорить. Я встал так, чтобы быть прикрытым дверью сарая, после чего позвал деда, продолжавшего так и сидеть в телеге. Его лошадь, опустив голову, помахивала хвостом, отгоняя оводов.

– Разомни кости, старик. Мне нужно с тобой поговорить, – для полной убедительности я махнул рукой, подзывая его.

Крестьянин неохотно, со смертной тоской в глазах, слез с телеги и медленно подошел ко мне. Его состояние было мне понятно. В его глазах мы были смертниками, которых не сейчас, так потом расстреляют. Вот только до этого они убьют его, так как им совершенно нечего терять. Стоило ему подойти, как я, добавив в голос уважения, спросил:

– Как зовут тебя, отец?

Дед, услышав вопрос, удивленно уставился на меня, словно спрашивая: я все правильно услышал?

– Митричем кличут, ваше благородие, – голос старика был робкий, заискивающий.

– Митрич, скажи мне: какой сейчас год? – не удержался я от вопроса, хотя в данный момент тот ничего для меня не решал.

– Кто ж его знает, вашбродие. Ранее по церковным праздникам считал...

– Конец июня 1918 года, поручик, – прозвучал за моей спиной голос бритоголового.

– Ясно. Теперь скажи мне, Митрич, что за войска в вашей деревне стоят.

Спустя пять минут стало известно, что в деревне стоит хозяйственный взвод какого-то там красного полка, который будучи сильно потрепанным в боях с гетманцами, был отведен на переформирование и определен на постой в этой деревне из-за сохранившейся здесь кузницы. Среди солдат взвода было два десятка умельцев-кожевников и оружейников, которые занимались ремонтом сбруи и оружия. Еще крестьянин рассказал, что у дома бывшего старосты, где теперь жило красное начальство, стоят две отремонтированные тачанки с пулеметами.

– Только патронов в них нема, – предупредил дед, который уже отошел от страха и потихоньку разговорился.

– Спасибо, отец. Мне подумать надо.

В моей голове уже сложился первый пазл. Я, как и все остальные офицеры, был захвачен и теперь находился в плену у красных. Такие эпизоды встречались во многих исторических фильмах. В большинстве случаев они заканчивались побегом, а дальше все зависело от политической направленности сценариста. Только здесь была не съемка. Быстро прикинул обстановку. Несколько человек в нательном белье при двух винтовках. Противник – взвод или

немного больше, при тридцати винтовках и двух пулеметах. Нет, при четырех, если патроны под пулеметы на тачанках найдут. Есть еще один хороший момент. Дело к вечеру, начинает темнеть. Если нас не хватятся сразу, то у нас впереди целая ночь. За моей спиной кто-то резко передернул затвор. Крестьянин дернулся всем телом, словно хотел бежать, но в следующую секунду поник, словно принимая свою судьбу, какая бы она ни была. Я обернулся, разглядывая своих коллег по несчастью. На ногах было четверо, а еще один лежал на кучке соломы. Трое были полураздетые и босые, четвертый был одет в солдатскую форму, но стоял босой, видно сапоги мертвеца ему не подошли. Лицо лежащего мужчины в полумраке я рассмотреть не мог, но судя по тяжелым хрипам и надсадному кашлю, у него было что-то нехорошее с легкими. Все четверо мужчин, судя по их лицам, в достаточной степени познакомились с крепкими пролетарскими кулаками. Слева с краю стоял полноватый мужчина, лет сорока пяти. Он близоруко щурился. Его лицо с пышными усами выглядело вполне добродушно. Ни одной угрожающей черточки. Рядом с ним стоял бритоголовый крепыш. За ним стоял, с жестким лицом и колючим взглядом, долговязый офицер. По какому-то внутреннему наитию я окрестил его «тевтоном» и, как потом оказалось, не ошибся. Именно он был одет красноармейцем. Последним был жгучий брюнет, имевший приятную внешность и голубые глаза. Этаким любимчик женщин.

«Только не сегодня. Сейчас на его опухшее от побоев лицо клонет лишь подзаборная шалава и то потребует деньги вперед».

Все они смотрели на меня с удивлением и надеждой. И то, и другое я мог понять. Какое-то время назад я умирал, а затем взял и ожил, потом голыми руками убил двух тюремщиков, и вот пленные на свободе и с оружием в руках. Так кто я: ангел или черт?

– Господа, у нас совсем нет времени, тем более на знакомство, поэтому пока обойдемся именами. Меня зовут... – я специально сделал паузу.

Первым отозвался полный мужчина, подсказав имя и отчество:

– Вадим Андреевич. Меня зовут Никита Васильевич Заболоцкий. Военврач.

«Тевтон» отрапортовал четко, по-военному:

– Штаб-ротмистр Михаил Генрихович фон Клюге!

Бритоголовый крепыш оказался подполковником Владимиром Андреевичем Донским, а красавчик представился подпоручиком Василием Аркадьевичем Збышевым.

– Какие будут предложения, господа? – спросил я их.

– В отряде должен быть только один командир. Вам и решать! – сказал, как отрезал, штаб-ротмистр.

– Хорошо. Господа, вы слышали старика. Все, кто может сейчас поднять тревогу, сидят в местной комендатуре. Там у них пулемет и пост. Первым делом мы должны устранить эту опасность, после чего будем строить свой план, исходя из новой инф... новых сведений. Кто знает, где она находится?

– Вы совсем ничего не помните? – неожиданно задал вопрос военврач.

– Ненужный вопрос. Так кто?

– А по нам не видно, поручик? Мы все там были, – с кривой ухмылкой ответил мне красавчик.

– Владимир Андреевич, снимите с трупа одежду. Переоденьтесь. Поведете меня в комендатуру на допрос. Все остальные остаются здесь. Штаб-ротмистр будет изображать часового. Деда возьмите к себе в компанию.

Пока шло переодевание, я поинтересовался у крестьянина, который уже уселся на солому, недалеко от двери:

– Митрич, сейчас кто-нибудь сюда может прийти?

– А я ведаю, вашбродие? Могут прийти пьяные из камандатуры, но скорее, будут песни свои орать, так как над ими акромья комиссара начальства нет. Товарищ Варкин только своими бойцами командует.

– А где сейчас товарищ Варкин?
– Мабуть у Ефросиньи – старостихи. Как ейного мужика повесили, так она вдова, стало быть. Вот он к ней на постой...

– Где ее дом стоит?

– Так, посредине. Крыльцо у него большое да резное. Не пройдете мимо. Там солдат стоит.

– Где еще посты стоят?

– Так в той самой камандатуре. Больш нигде.

Спустя десять минут Донской переоделся в форму красноармейца, взял винтовку, и мы пошли, провожаемые взглядом фон Клюге, изображавшего часового. Тихий летний ветер опускался на деревню. Из степи потянул свежий ветерок, неся с собой сочный и ароматный запах разнотравья. Пока мы шли, я с силой вдохнул в себя несколько раз свежий, напоенный ароматом степи воздух и подумал, как же здесь легко дышится. Шли мы по тропинке, вдоль околицы, которая то и дело терялась в густой траве. По дороге мы не встретили ни одного человека, хотя в центре села было довольно оживленно, оттуда слышались мужские голоса и женский смех. Пару раз лениво лаяли собаки, да где-то поблизости заблеяла коза. Минут через семь мы подошли к местной комендатуре, впрочем, о том, что мы дошли куда нужно, стало слышно еще на подходе. Несколько пьяных голосов нестройно тянули песню «Смело мы в бой пойдём за власть Советов». Я остановился, чтобы осмотреться. Изба, в которой красные сделали комендатуру, была когда-то крестьянским жилищем, это можно было судить по затоптанному огороду и саду. Подошли мы удачно, со стороны глухой стены, к которой раньше примыкал сарай или какая-то пристройка и от которой теперь практически ничего не осталось.

«На дрова, что ли, растаскали», – предположил я, осторожно выглядывая из-за угла избы. Часовой был. Точно, как дед сказал. Сейчас он сидел на лавочке, рядом с открытой дверью, из которой, как и из открытого окна, доносилось хоровое пение комендантской команды. Винтовка стояла рядом с бойцом, прислоненная к стене. В одной руке часового была половина ломтя хлеба, а в другой вареное яйцо. Ел красноармеец аккуратно, попеременно откусывая, а затем тщательно пережевывал еду. Он так углубился в этот процесс, что, похоже, ничего и никого не замечал. После того как он закончил есть, вытер руки о гимнастерку, взял винтовку и вошел в избу. Спустя минуту пьяные комендантские парни дружно прогорланили последний куплет песни, затем кто-то пьяно заорал:

– За революцию, братва!!

Братва подхватила тост дружным криком «ур-ра!!».

Следом послышалось звяканье стаканов. Потом, кто-то воскликнул:

– Ух, забористая!

Несколько минут длилось молчание, видно товарищи закусывали, затем, несколько неожиданно для меня, начался спор на политические темы. Часовой снова вышел из избы, опять что-то жуя. Дожевав, постоял несколько минут, потом снова прислонил винтовку к стене и направился в нашу сторону. Завернул за угол... Так как с перебитыми шейными позвонками люди долго не живут, вот и он не стал исключением. Спустя пять минут сквозь пьяный спор пробился чей-то командный голос:

– Петро! Ты хде?! А ну ходь сюды!

Так как часовой не отозвался на приказ начальства, то оно само за ним явилось, в лице коменданта или его помощника, так как на поясе у него болталась желтая кобура с револьвером и немецкий штык-нож. Его жизнь, как и у часового, закончилась там же, за углом избы, в лопухах. Примерив к руке штык-нож, я решил, что пришла пора действовать. Осторожно, чуть ли не на четвереньках, прокрался под окном, встал у двери. Прислушался. Снова звякнуло и забулькало. Шел процесс разлива сивухи по стаканам. Когда глухой стук возвестил, что пьяная компания поставила стаканы на стол, я в ту же секунду перешагнул через порог. В комнате

стояла ядреная смесь из запаха пота, табака и плохого, неочищенного самогона. В глаза сразу бросалась беленая печь, занимавшая почти треть избы, и прислоненный к ней ухват. За столом, где стояла ополовиненная бутылка с мутной жидкостью и немного закуски, сидело четверо. Матрос в тельняшке и в бескозырке с надписью «Громовержец» в этот самый момент громко и самозабвенно начал вещать о победе пролетариата над мировой буржуазией, при этом не забывал с силой махать в воздухе сжатым жилистым кулаком, словно молотком гвозди вколачивал. Трое его подчиненных, тараша пьяные глаза, внимали своему начальнику с большим вниманием. В первые несколько секунд на меня никто даже не обратил внимания, но только они начали поднимать на меня глаза, как нож уже сидел в шее сидящего ближе всех ко мне солдата. Резкий взмах рукой, и на голову второго красноармейца обрушилась рукоять револьвера. В следующую секунду нога с размаху ударила по табурету, на котором сидел матрос, и тот со всей дури грохнулся на пол, а на последнего солдата я просто направил ствол, после чего тот, с выпученными от удивления и страха глазами, быстро поднял руки. Спустя несколько секунд в комнату вбежал подполковник, который, с ходу сообразил, что ему надо делать. Сначала он врезал по голове прикладом матросику, который был настолько ошеломлен и пьян, что даже не пытался подняться, а только тупо тарашил на нас глаза, лежа на полу. Комендант не успел еще закатить глаза, как Донской подскочил к солдату и сбил его с табурета ударом приклада, при этом бросив на меня вопросительный взгляд. Я ответил ему резким жестом, быстро проведя пальцем по горлу. Подполковник подскочил к стонущему солдату и с силой ударил тому прикладом в горло. Короткий хрип – и все кончено. Тем временем я добил ударом ножа оглушенного солдата, после чего, быстро подойдя к окну, встал сбоку, так, чтобы видеть пространство перед входной дверью. С минуту вслушивался и всматривался. Вокруг было тихо. отошел от окна, затем тщательно стер с лезвия кровь грязным полотенцем, лежащим на столе. Остатки закуски, оставшиеся от пьяной компании, вызвали у меня обильное слюнотечение, но сейчас было не до еды. Повернулся к Донскому, который в этот момент подошел к лежащему в беспомощности коменданту.

– Мы проделали все тихо. Вот только все ли здесь люди? Нет ли...

– Где вы видите здесь людей, поручик?! – бросил на меня яростный взгляд Донской. – Это быдло! Озверевшие скоты! Эти...

– Вы не ответили на мой вопрос! – резко перебил я его.

Донской вздернул головой, ожег меня злым взглядом и уже, похоже, хотел сказать какую-то резкость, но опомнился, отвел взгляд, снова посмотрел на бесчувственного коменданта: – Сейчас узнаем.

Эта фраза прозвучала у него многозначительно и зловеще. Я пожал плечами, снова бросил взгляд в окно, после чего подошел к пулемету «максим», стоящему в углу. Рядом стоял короб со сложенной пулеметной лентой. Его я видел только на картинках, а на практике с ним не приходилось сталкиваться.

«Вот какое оно, чудо местного оборонпрома. Ничего, и не с таким разбирались».

Посмотрел на Донского, который, с кривой улыбкой на губах, приводил в чувство коменданта, и сказал:

– Отлучусь ненадолго. Мне переодеться нужно.

Тот в ответ только кивнул головой. Перед тем как выйти, остановился перед открытой дверью, просеивая сквозь себя звуки. Наступали сумерки. Человеческие голоса были еще слышны, но звучали уже скорее приглушенно, чем громко. Перешагнул порог. В ближайших трех домах света не было, даже занавески были задернуты.

«Может, спать легли, все-таки начало темнеть», – предположил я, но без особой уверенности, так как практической стороны деревенской жизни почти не знал. Хотя судя по звукам, доносившимся откуда-то с дальней от нас стороны деревни, там, похоже, спать еще не ложились. Снова осмотрелся. Никого. Завернул за угол избы, где лежали мертвецы. Раздев трупы,

начал переодеваться, а заодно анализировать полученные мною за последний час факты: поручик, Вадим Андреевич, красные, белые, тыл красного полка, господа офицеры. Время: гражданская война. Я офицер, поручик. Образ прекрасной женщины, отпечатанный в памяти. Это моя цель? Даже если и так, то где поставленная задача?

Ведение бизнеса требует мелочей и деталей, знания человеческой психики, богатого жизненного опыта и тонкого анализа ситуации. Боевая схватка построена на инстинктах, рефлексках, знаниях рукопашного боя и оружия, богатого боевого опыта. Все эти факторы являлись кирпичиками фундамента, на котором стояла моя работа, при этом бизнесом я никогда не занимался. Передо мной ставили задачи, которые я называл иначе – цель, и только в редких случаях не удалось выполнить порученную мне работу.

«Мне надо найти эту женщину? Но она больше смахивает на ангела, чем на живого человека! Хм. Впрочем, сейчас не время над этим думать».

Привычно убрал лишние мысли. Первоочередная цель была проста и ясна: ликвидировать прямую опасность и найти место, где можно было бы обдумать свои дальнейшие действия, уже на основе конкретной информации. Опасность на данный момент у меня ассоциировалась с отрядом красных, дислоцированным в этой деревне, значит, отсюда надо быстро убраться, вот только для полного представления плана бегства у меня не хватало сведений.

«Может, товарищи по классовый борьбе что-нибудь подскажут?».

Переодевшись, вернулся в избу и при виде открывшейся там картины поморщился. Донской стоял над скорчившимся на полу комендантом, который глухо мычал от боли.

– Что он сказал? – поинтересовался я, вдевая штык-нож в ножны. Кобуру застегивать не стал, так как револьвер мог понадобиться в любой момент.

– Говорит, что все его выб...ки здесь, за исключением двух уродов, которые отправились забрать труп. И больше он никого не ждет.

– Тогда он больше не нужен, – сказал я и, отвернувшись, подошел к окну.

За моей спиной раздался сдавленный хрип. Встал у окна сбоку, так, чтобы меня не было видно, наблюдая за все больше темнеющей улицей. Комендант хрипел, сипел и дергался еще несколько минут, пока не замолк окончательно, после чего подполковник подошел ко мне. Несколько секунд смотрел мне в лицо, потом сказал:

– Надеюсь, вы меня поймете.

– Поймете? Что именно?

– Мою ненависть.

– Зачем мне ее понимать? Отвели душу – ради бога!

– Я не садист! У меня... эти убили дочь. Она с мужем...

– Извините, подполковник, но нам сейчас не до воспоминаний.

Донской с силой провел рукой по лицу, словно стараясь стереть липнувшие к нему воспоминания.

– Вы правы. Что дальше, поручик?

– Минут через сорок – час окончательно стемнеет. Деревня ведь рано ложится спать?

Подполковник на мой вопрос коротко кивнул головой.

– Значит, у нас вся ночь впереди. Заберем лошадей и тачанки, после чего уедем, как только определимся с направлением.

– Все не так просто. Мы здесь вряд ли найдем лошадей под тачанки. В деревнях, таких, как эта, уже давно реквизируют лошадей, что красные... что мы. Вы же видели лошадь этого деда?

– Видел. Что с ней не так?

– Ей на живодерню пора, а вы хотите ее запрячь в тачанку. Это даже не смешно.

– Что вы предлагаете?

– Мы не уйдем далеко без лошадей. Может... попробовать перерезать ночью всю эту красную сволочь?

– Помните, как тот солдат говорил про комиссара. Что тот скоро вернется и устроит пролетарский суд. Он же тоже на лошади едет.

– Две лошади – одна тачанка, а нас шесть человек. Нужно четыре лошади! Ладно! Будем думать. Кстати, пока есть время, хочу поблагодарить вас, поручик, за то, что вы для нас сделали. Если мне даже придется умереть, я сделаю это с оружием в руках. Я, как и остальные офицеры, вам очень благодарен, поручик, за эту возможность.

Я пожал плечами:

– Будем ждать темноты, а потом пойдем и поговорим с их командиром.

Донской отошел к столу, зашуршал бумагой, потом вернулся и протянул мне подобие бутерброда. Большой ломоть хлеба, на котором лежали три небольших кусочка сала вместе с зеленым луком. Отдельно вручил очищенное вареное яйцо. При виде еды мой желудок жалобно завыл, а я опять сглотнул слюну.

– Ешьте, поручик, а я пока подежурю.

Я был настолько голоден, что еда кончилась раньше, чем ощутил ее вкус. Бросил взгляд на стол, но там оставалось еды только на еще один такой бутерброд. Снова сглотнул слюну и спросил:

– Что там в кувшине?

– Пейте. Квас.

Чтобы хоть как-то заглушить чувство голода, жадно выпил два стакана подряд, потом сказал:

– Идите, поешьте, Владимир Андреевич.

Тот только кивнул головой и отошел от окна. Я занял его место. После того как Донской поел, он какое-то время возился с пулеметом, затем легко хлопнул по защитному щитку и сказал:

– Случись дело, мы с тобой, братишка, с десятков краснопузых сволочей в ад отправим.

Я уже хотел удивиться, но спустя секунду понял, что он говорил не со мной, а с пулеметом. Спустя минуту Донской подошел и встал рядом.

– Темнеет.

– Еще полчаса подождем и пойдем.

Время тянулось медленно, но не для меня. В такие моменты я словно выключал сознание, оставляя на страже только зрение и слух, и тогда время текло сквозь меня.

Темнота упала на землю как-то сразу. Мы вышли из дома с винтовками за плечами. Пару секунд постояли, потом Донской сказал:

– С Богом, поручик.

И мы пошли. Шли, не скрываясь, прогулочным шагом. В деревне стояла тишина. Так как ни Донской, ни я не были дальше околицы, то шли мы не торопясь, стараясь запомнить расположение домов, если придется отступать. За все время мы никого не встретили, только один раз из-за забора глухо и лениво гавкнула собака.

Дом старосты оказался, как и сказал дед, с большим крыльцом и резными перильцами. На крыльце сидел часовой и меланхолично лузгал семечки. Его винтовка стояла, прислоненная к перилам. Мы выждали несколько минут. Надо было бы дожидаться смены часового, но ведь он мог смениться десять минут тому назад. Человеческих голосов совсем не было слышно, только где-то с другой стороны деревни несколько раз лениво тьякнула собака. Решил рискнуть.

– Пойду один. Махну рукой – сразу подходите.

Выждал, когда луна спряталась за тучку, надвинул фуражку на самый нос, затем ленивым шагом подошел к крыльцу. Часовой прекратил щелкать семечки, встал, всматриваясь в тем-

ноту, пытаюсь разглядеть, что за человек идет. Он потянулся за винтовкой в тот самый момент, когда я уже был от него на расстоянии удара.

– Ты...

– Такая баба! Грудь – во! – я развел руки, показывая размер, а в следующую секунду нанес ему резкий и сильный боковой удар по шее. Солдат «поплыл», остальное было делом техники, я бросил взгляд по сторонам, после чего махнул рукой Донскому. Вместе с ним схватив мертвеца за плечи, мы потащили его по лестнице вверх, к входной двери, после чего подполковник взял винтовку, повесил себе на плечо и стал изображать часового. В это самое время я осторожно открыл дверь избы. Петли были смазаны основательно, поэтому та открылась почти бесшумно, но даже если бы и закрипела, то вряд ли в этом доме кто-нибудь это услышал, так как женские стоны с придыханиями, громкое дыхание мужчины да частое звяканье пружинной сетки кровати были слышны еще от дверей.

– Потащили, – шепнул я, оглянувшись.

Мы втащили труп часового в дом, после чего Донской остался на крыльце за часового, а я, осторожно подкравшись к двери, ведущей в спальню, стал дожидаться, когда бурный акт плотской любви завершится. На окнах висели занавески, поэтому лунного света в помещение проникало не много, и я рассчитывал на то, что командир подойдет ко мне вплотную, так как убивать женщину не входило в мои намерения. Когда постельная сцена завершилась, дал мужику пару минут отдышаться. Только я открыл рот, как мужчина слез с кровати, потом послышался стук, а за ним бульканье. Наконец, тот со стуком поставил стакан и выдал своей даме комплимент:

– Квас у тебя, Фрося, как ты сама, такой же ядреный!

– Степа, и мне налеп. Ты меня просто замучил, аж в жар бросило, – женский голос прозвучал томно и игриво.

Снова послышался стук, а затем бульканье.

– Спасибо тебе.

Не успела она это произнести, как раздался мой голос:

– Товарищ Варкин, тут срочное донесение прибыло. Можно войти?

– Ой, мамочки! – раздался испуганный женский голос, а затем послышалось шуршание одеяла.

– Какого черта! Откуда?! Хотя это потом! Жди пока! – мужской голос был растерянно-раздраженный.

Я слышал, как снова закрипели пружины металлической кровати, потом раздалось шуршание одежды, глухой металлический стук, и только после этого в горницу вошел наполовину одетый красный командир Варкин, шлепая по полу босыми ногами.

– Ты кто? – недовольно спросил он, глядя в меня. – Где донесение?

– Так вот оно, товарищ командир, – вместе с быстрым шагом вперед взметнулась моя рука, и рукоять револьвера с силой ударила тому в висок. Мне никак нельзя было его убивать, и я надеялся, что точно отмерил силу удара. Придержав тело, положил его на пол. Вошел в комнату.

– Ефросинья? – тихо спросил я, остановившись у кровати.

– Ой! Это кто? Что вам надо?

– Жить хочешь? – я поднял револьвер так, чтобы она увидела матовый отблеск на оружии. Женщина тяжело задыхалась.

– Хочу.

– Веревка есть? Хочу тебя связать.

Женщина все поняла правильно. Быстро надев ночную рубашку, она в считанные минуты нашла веревку, а спустя какое-то время уже лежала связанная на кровати.

– Будешь вести себя тихо, все будет хорошо, – сказал я ей напоследок и вышел из спальни.

Только я склонился над Варкиным, как вдруг открылась входная дверь и раздался хриплый шепот Донского:

– Поручик, часовой на смену идет.

– Засуньте голову в дверь и делайте вид, что подслушиваете, так он вашего разбитого лица не увидит, да и подойдет близко... – посоветовал я, после подошел к двери. – Возьмите штык. Сразу бейте в горло, затем зажимайте рот.

Не успели мы уложить второй труп за дверью, как постепенно стал приходить в себя красный командир. Окровавленная голова, скривленный от боли рот, бешеный взгляд.

– Мне от тебя нужны только ответы на мои вопросы. Лишнее слово – и тебе будет очень больно.

– Ты, белая гнида, мне грозишь?! Мне, красному командиру, герою?!.

Спустя несколько секунд, после жесткого тычка в нервный узел, товарища Варкина скрутила такая жесткая боль, что ему захотелось дико орать, но только стоило ему раскрыть рот, как классовый враг подло вбил ему туда полотенце, поэтому осталось лишь мычать и биться в конвульсиях. Отойдя от него, я подошел к дверному проему спальни. Женщина, видно почувствовав мое присутствие, замерла, даже, похоже, дышать перестала. Вернувшись, присел на корточки перед Варкиным. В полутьме немного разберешь, но бледное как мел лицо было четко видно.

– Если понравилось, – я осторожно вытащил из сцепленных челюстей полотенце, – то прямо сейчас повторю. Готов отвечать?

– Жизнь оставишь? – хрипло и тихо спросил красный командир.

– Прямо сейчас не скажу. Все зависит от правдивости твоих ответов. Если мне все понравится, свяжу и положу рядом с твоей подругой на кровати.

– А что, Фроська жива?

– Зачем мне ее убивать? Мне нужны сведения. Начнем с простого. Где в деревне казарма? Сколько солдат? Где находится арсенал? Есть еще командиры?

Беседа несколько затянулась, но я был только рад даже лишним и, возможно, не нужным мне на данный момент сведениям. Связав руки и ноги Варкину, вышел на крыльцо и быстро рассказал то, что узнал.

– Вы оказались правы, Владимир Андреевич, лошадей в деревне нет, кроме лошади местного командира и мерина деда, но при этом у меня появилась хорошая идея.

– В чем она заключается?

– Лошадей в деревне под тачанки нет, но по словам Варкина утром должен приехать комиссар, а с ним будут люди из кавалерийской бригады со своими лошадьми. Они приедут забирать тачанки.

– Вы предлагаете их встретить?

– Их будет от силы полтора десятка. Против трех пулеметов.

– Дерзко и решительно, но мне нравится, – усмехнулся Донской, а затем неожиданно спросил: – Вы меня совсем не помните?

– Извините. Не помню.

– Вы как-то странно переродились. Да и в вашей речи встречаются незнакомые и странные слова.

– Какой есть. Так вы мне верите?

– Верю, поручик. Давайте быстрее действовать, а то летние ночи короткие.

– Тогда берем Варкина в качестве проводника и начнем.

Красного командира слегка пошатывало, видно удар не прошел бесследно, но ему очень хотелось жить, поэтому он делал то, что от него требовали. Первым мы навестили его заместителя. В отличие от своего начальника, тот спал в гордом одиночестве. Хозяйка, глухая старушка, никак не отреагировала на наше появление, продолжая крепко спать.

Заместитель оказался крепким и беспокойным человеком, который с ходу отказался с нами сотрудничать и даже попытался поднять тревогу. Пришлось свернуть ему шею и затолкать тело под кровать, на которой он до этого спал. Быстрая и бесшумная расправа над заместителем произвела на Варкина большое впечатление. Затем мы отправились в местный арсенал, который не соответствовал своему названию, где упокоили очередного часового, забрали патроны, пулеметные ленты, пару винтовок и лошадиную сбрую. Все это мы погрузили в одну из тачанок, в которую запрягли лошадь Варкина, после чего отправились к сараю для пленных. Приходилось спешить, так как в любой момент могли найти трупы и поднять тревогу. Все мы прекрасно понимали, что если это случится, то нам придется принять бой и, возможно, умереть, чего мне очень не хотелось. Вот только на этот раз удача была на нашей стороне, поэтому нам удалось забрать вторую тачанку, в которую запрягли мерина Митрича. За время нашего отсутствия количество пленных сократилось – умер от побоев корнет Станислав Запольский.

Тревога поднялась в тот самый момент, когда наша маленькая колонна выехала из деревни. Хотя мы все ожидали этого, все равно это случилось внезапно. Ударивший за нашими спинами выстрел заставил всех дружно обернуться, хотя увидеть, что там происходит, не смогли бы в любом случае. Следующие несколько минут ничего не происходило, только потом раздались громкие крики, а за ними хлопнул новый выстрел, после чего в окнах крайних хат появился дрожащий свет свечей. Выстрелов больше не последовало, но даже сейчас, на расстоянии, были слышны крики людей и истошный лай собак. Последним аккордом паники в деревне стали еще несколько выстрелов, сделанные красноармейцами, которые стреляли в неведомого врага. В отличие от господ офицеров, которые начали выказывать беспокойство по поводу возможной погони, я был спокоен. Мне хватило собранной информации, чтобы понять, как будут действовать красные. Сначала, когда поймут, что остались без командиров, они станут метаться в страхе в темноте по всей деревне в поисках подлых белогвардейцев, которые убили их товарищей, натываясь друг на друга. Так будет продолжаться до тех пор, пока до них не дойдет, что врагов в деревне не наблюдается, после чего несколько особо инициативных товарищей возьмут на себя командование и прикажут остальным занять круговую оборону, особенно когда узнают, что тачанки с пулеметами исчезли. Так они будут сидеть до утра, после чего снова прочешут деревню на предмет прячущегося врага, после чего снова соберут какой-нибудь совет и решат, что надо будет дожидаться приезда комиссара, который должен будет повести их в последний и решительный бой. Еще через пару-тройку часов они окончательно поймут, что комиссар уже в аду, в одном котле вместе с остальными и тогда... Что будет дальше, даже додумывать не стал, так как в плане опасности они представляли собой большой круглый ноль. Плохо было другое: я не знал ни политического, ни военного расклада, как по стране, так и по Украине. У меня были специфические знания, в которые не входило детальное знание истории. В мой объем знаний по истории входили: Ленин, Сталин, Буденный, Махно, Корнилов, Врангель, Колчак, да еще с десятков подобных фамилий вместе с рядом общеизвестных исторических фактов.

Мне всю жизнь вдалбливали в голову, что врагов советской страны надо карать беспощадно – именно для этого ты живешь на белом свете, защитник первого в мире социалистического государства. Мне говорили, что у меня ответственная работа за рубежом, я на передовой линии борьбы, мне партия и народ доверили... Вот только эти слова для меня ничего не значили, отлетая рикошетом от моего сознания. Для меня в моей памяти всегда оставались слова отчима, которые тот частенько повторял: «Партия, политика – это ничто, а Россия – это всё. Ты должен накрепко запомнить для себя три слова: Россия, честь, долг».

Мне довелось в 1980-х годах строить социализм в одной африканской стране с помощью денег и наемников. Еще в одной стране руководить партизанским движением, чтобы свергнуть диктатора, ставленника США. Много чего было в моей жизни. Когда было нужно, становился партизаном, ликвидатором, наемником и инструктором. Прошел через десяток войн в разных

точках планеты. Долг и офицерская честь никогда не были для меня пустым звуком, а вот с совестью все было совсем по-другому, но в армии приказы не обсуждаются.

Интересно, а как бы вы ответили на такой вопрос: как можно превратиться в хладнокровного убийцу, служа трудовому народу, который строит счастливое будущее для всего мирового пролетариата? Вот такой парадокс.

Жизнь расставляет нас как фигурки на доске в какой-то своей сложной игре. Пройти до конца мы не можем, но зато цепочка твоих ходов может дать начало новой сложной комбинации. Вот и сейчас providение определило меня на сторону Белого движения, причем это было одно из исходных условий поставленной передо мной задачи, которую нужно было решить. Отчего я так решил? Да ничего я не решал, просто знал. Осознание этого факта пришло вместе с новой жизнью. Вот только мое новое задание не имело четких указаний, как и основной цели. Почему? Этого я тоже не знал.

«Значит, ты должен самоопределиться, найти те факторы – вешки, которые определяют твой путь. Одна уже есть. Ты белый офицер. Ищи другие».

В передней тачанке правил лошадей Митрич, которому я, поклявшись на натальном кресте, обещал жизнь, а заодно возвращение его старого Орлика. Старик уверенно вел нас в известном только ему направлении, несмотря на темноту. Тачанки, покачиваясь на рессорах, неторопливо и плавно скользили по степи. Мы ехали к балке, которая лежала рядом с дорогой, в трех верстах от деревни. Старик сказал, что это самое лучшее место для засады. Ехал Митрич мрачный, все время вздыхал, отвечал неохотно, односложно. Старик переживал, правда, для меня непонятно было, из-за чего у него такое настроение. Как я понял, он был человеком старой закалки. Царь-батюшка и вера в Бога жили в нем с его рождения, а большевики, хоть и говорили правильные слова, были люди пришлые и страшные. Одна только комендантская команда чего стоила. Пьяницы поганые и убийцы. Сейчас красные пришли, а потом они убьют, а что крестьянину делать? Вот только не хотел старик крови, хотя при этом понимал, что господа офицеры вряд ли кого-то щадить будут, так как их самих хотели расстрелять. О расстреле офицеров в деревне уже двое суток слухи ходили.

Подъехали мы к оврагу в то самое время, когда на востоке только-только начало светлеть. В глубине балки, а по мне, так большого оврага, края которого густо заросли кустарником, насколько я мог разглядеть, протекал быстрый и довольно широкий ручей. Дорога, по которой должны были проехать красные, проходила где-то в тридцати метрах от оврага. С другой стороны от дороги тоже рос кустарник, но не такой густой и обширный, как с этой стороны, поэтому в нем залегли двое, я и подпоручик, с винтовками. Один из пулеметов был снят с тачанки и поставлен в кустах. Место за пулеметом занял «тевтон», а вторым номером встал наш военврач. В устройство засады я не вмешивался, зато с интересом наблюдал за ее организацией, и уже через час все было готово к торжественной встрече комиссара и его друзей.

Комиссар Григорий Заглыба был предан делу революции, но по-своему. Революция дала ему, пусть маленькую, но власть. Он и его приятель Федор Шакин служили при царском режиме матросами на буксире. Теперь он комиссар, а Федька, гроза всей белой сволочи, – комендант. Правда, в самом начале своей революционной деятельности оба пошли к анархистам, но когда белые, а спустя время и красные, стали их отстреливать, как бешеных собак, они решили примкнуть к делу революции. Хотя, если честно, при анархистах им куда лучше жилось. Эх, хорошо гульнули! Золотишко было, кокаин водился, а девочки какие... Одну он даже на рояле поимел. А какие они обыски у зажавшейся буржуазии проводили! Он сейчас при воспоминании даже невольно громко причмокнул.

– Ты чего, Заглыба, чмокаешь? – спросил комиссара, ехавший с ним бок о бок командир конно-пулеметного взвода. – Бабу, небось, вспомнил, которой сегодня ночью сиськи мял? Так расскажи! Поделись с товарищем!

Недовольный, что его приятные мысли перебили, комиссар бросил хмурый взгляд на командира, но выказывать свое недовольство не стал, так как знал буйный нрав Гришки Забугорного. Тот, если что не по нему, сразу бьет в зубы. Про него в полку говорили: если бы не его дикие выходки, он бы давно полком командовал.

– Какие бабы, товарищ? Полдня на совещаниях провел, потом целых три часа выбивал на складе для наших бойцов гимнастерки и патроны. И что ты думаешь?! Получил только половину из обещанного аж три недели тому назад! Хорошо хоть мыло на этот раз выдали полностью!

В штаб он, действительно, ездил за газетами и партийной литературой, а также выбил два десятка гимнастерок, два десятка кусков мыла, патроны, но главное, две кожаные куртки для себя и Федьки. Кроме этого, по особому заказу, а не за просто так, получил два новеньких маузера для себя и товарища Варакина. Что он за комиссар без кожаной куртки и маузера? Комиссар опять ушел в свои мысли, поэтому не сразу понял, что его о чем-то спрашивает Забугорный, скачущий на лошади рядом с ним. Повернул голову:

– Чего ты сказал?

– Ты что, Заглыба? Совсем оглох?! Я говорю, лошадей нам надо! Может, знаешь, где по деревням есть лошади?

– Мне не до лошадей сейчас, товарищ Забугорный! Ты мне лучше скажи, когда наступление будет, товарищ красный командир?! В штабе сказали, что идет накопление сил для главного удара. И что? Вшивота золотопогонная из всех щелей лезет, что твои тараканы, а мы чего-то ждем! Это, товарищ...

Его пламенную речь прервала выехавшая в пятидесяти метрах от них, откуда-то сбоку, из кустов, тачанка. Возница в солдатской рубашке и фуражке со звездочкой аккуратно, не торопясь, ее развернул, затем так же неторопливо слез с облучка и пересел за пулемет. Мне было видно, как Донской немного повел стволом, видно прицеливался.

– Это что такое, товарищ Заглыба? – придержал коня взводный и указал нагайкой на стоящую на дороге тачанку.

– Сам в догадках, товарищ, – непонимающе протянул комиссар, натягивая поводья. – Так я...

– Товарищ командир, гляньте! – неожиданно закричал один из бойцов и вытянул руку в сторону.

Головы комиссара и Забугорного автоматически повернулись. Из кустарника, который они только что проехали, высунулся, скинув прикрывавшие его ветки, ствол второго пулемета. Озвучить наше требование Донской поручил мне. Лежа с винтовкой среди кустов, я немного приподнялся и постарался крикнуть как можно громче:

– Вы окружены! Сдавайтесь! Считаю до трех! Раз! Два!

Взводный, хищно оскалившись, с ходу послал лошадь вскачь, одновременно пытаясь вытащить револьвер из кобуры, вот только в этот самый миг коротко простучал пулемет фон Клюге, и голова красного командира ткнулась в лошадиную гриву. Следом за ним один из конников попытался скинуть с плеча карабин, но получив пулю в голову из моей винтовки, свесился с седла.

– Еще желающие умереть имеются?! – спросил Донской окончательно растерявшихся красноармейцев. – Если нет, слезайте с лошадей, кладите оружие на землю и отходите в сторону.

Бойцы, не глядя друг на друга, стали спрыгивать с лошадей. Стоило им сложить оружие и сбиться в группу, как ударил пулемет штаб-ротмистра, скосив людей, словно коса траву. Донской живо соскочил с тачанки и быстро пошел к месту расстрела. Мы вышли из кустов, следом за нами вышел фон Клюге. Семь трупов, двое раненых. Подполковник вытащил из-

за пояса револьвер и аккуратно прострелил обоим бойцам головы, после чего начал отдавать приказы:

– Штаб-ротмистр, берите подпоручика и устанавливайте пулемет обратно на тачанку. Поручик и вы, Никита Васильевич, обыщите трупы и стащите их в овраг. Что найдете, складывайте на телегу, потом будем разбираться.

Следующие полчаса мы трудились как проклятые, при этом постоянно и настороженно оглядываясь по сторонам.

В телеге, которая так и стояла посредине дороги, мы нашли двенадцать комплектов новой формы, четыре пары сапог, патроны, партийную литературу, два десятка кусков мыла, кожаные куртки и два новеньких маузера. Кроме этого нашли мешочек соли, килограмма на два, и мешок крупы. В тороках кавалеристов также нашлось немало интересного. Сало, сухари, крупа, патроны. Пока мы с врачом складывали и сортировали, господа офицеры закончили запрягать лошадей в тачанки. Надев отложенные для себя новые сапоги и гимнастерку, я подошел к кустам, где прятался старик.

– Митрич, выходи.

Дед нехотя вышел. Он явно боялся, что с ним поступят так же, как и со всеми – пустят пулю в лоб. Я решил сразу его успокоить:

– Не бойся, отец, мое слово крепко.

Тот поднял на меня глаза и вдруг неожиданно сказал:

– С людьми вы не по-божески поступили, ваше благородие.

– Война, отец. Лошадку свою забирай. И еще. Вон лошадь с телегой видишь? – я дождался его кивка и продолжил: – Твое.

Крестьянин покачал головой.

– Не могу забрать. Эта лошадь за солдатским хозяйством записана, сразу признают.

– А мыло и гимнастерки нужны?

– Мыло? Очень даже нужно. И гимнастерки тоже, – лицо старика оживилось.

– В телеге возьмишь, когда мы уедем. Пока, отец.

Дед удивленно посмотрел вслед непонятному ему мужчине, потом вдруг неожиданно для самого себя перекрестил его и пошел искать лошадь. Орлика он нашел в овраге. При виде хозяина конь тихонько заржал, приветствуя его, а когда тот подошел, ткнулся мордой в плечо хозяину. В следующую секунду со стороны дороги раздался топот копыт, а затем раздался чей-то возглас:

– Вперед, господа!

– Вот така жизнь у нас, Орлик, чудная, – с тяжелым вздохом сказал старик и погладил коня по шее. – Погоди еще чуток, сейчас домой пойдем.

Взяв коня за повод, он пошел с ним к телеге.

Глава 2

Я вступал в новую жизнь в теле молодого, полного жизни, мужчины. Ощущение здоровья, несмотря на избитое тело, было для меня несколько непривычно, так как последние полгода той жизни были для меня не самыми лучшими в плане физического здоровья. Да и сейчас полностью радоваться жизни мешала моя настороженность, которая автоматически сканировала окружающее меня пространство в поисках опасности. Новый мир, непонятная обстановка, подозрительные, а значит, опасные, люди. Если раньше, занимаясь очередным заданием, я получал строго выверенную информацию, которую старательно просеивал и анализировал, выбирая наилучший вариант развития событий, то сейчас оказался словно в вакууме, даже не зная как строить свои отношения с людьми, которые достались мне в напарники.

Все, что я узнал от Митрича, касалось только жизни близлежащей области, да слухов, которые доносились до местных крестьян, причем их понимание событий было далеко от реальности. Теперь, когда выдалась возможность, мне хотелось узнать от своих спутников все про себя, а заодно, кто они и почему мы оказались в одной группе.

Две лошади в упряжке легко несли тачанку по степи. Посмотрел вдаль. Там, впереди тачанок, маячила далекая фигурка «тевтона», который представлял в нашей маленькой группе разведку. Освоить оружие для меня не представляло проблемы, хотя все, что мне довелось держать в руках, до этого видел только на картинках, а вот скакать на лошади, я это понимал, у меня не сразу получится. Никогда раньше мне не доводилось иметь с ними дело. Впрочем, насчет этого я тоже не волновался, придет время, буду сидеть на коне как влитой, наподобие штаб-ротмистра. Сведения, полученные от старого крестьянина, которым можно было верить, касались только нескольких близлежащих сел да направления, в котором находилась железнодорожная станция. Теперь мы ехали к ней, так как, опять же по слухам, на этой большой узловой станции стояла воинская часть гетмана Скоропадского, который довольно лояльно относился к Белому движению, а значит, у нас были шансы сесть на поезд и, наконец, добраться до Ростова.

Что я еще выяснил у старика, так это, что в одном конном переходе (опять же по слухам) начинается власть народного атамана Бережного, который, охраняя свою территорию, бьет всех, кто ему попадется. Кроме него, в степи можно наткнуться на петлюровцев. Так же, по словам Митрича, можно было понять, что если нам удастся выдержать правильное направление, то спустя пять-шесть часов по правую руку мы увидим Андреевку. Это село, как сказал Митрич, было большое и зажиточное, поскольку в нем, единственном на всю округу, располагалась церковь. Каждое воскресенье сюда съезжались хуторяне из окрестных деревень на воскресную службу, после которой шли на базар, где можно было купить или обменять на продукты все то, что так необходимо было в крестьянском хозяйстве – конскую упряжь, гончарные и скобяные изделия, сельскохозяйственные орудия.

– Здесь же по воскресеньям торговали лошадьми и домашним скотом. Народу было – яблоку упасть негде! А какая медовуха...

– Понял. Хорошо жили. Что еще скажешь про окрестные места? Может, про офицерские части что-либо слышал?

– Ничего не знаю... Только Чека недавно приезжала, так ихний командир говорил, что банда в наших местах появилась. Сабель в двадцать – двадцать пять. В двух деревнях сельсоветы поразгоняли и людей поубивали. Еще сказал, эти бандюки поезд остановили и пограбили.

– Что за Чека?

– А я знаю, вашбродь? Они тогда собрали всех крестьян и рассказали о банде. Еще сказали, там одни кулацкие сынки, которых надо стрелять, как бешеных собак.

– Давно они были, Митрич? – спросил я его.

– Дык два дня назад как уехали, – крестьянин удивленно посмотрел меня. – Они же вас и привезли, вашбродие. Хотели релюционный суд устроить, да только их дозор, высланный в степь, вроде бы как нашел следы тех самых бандитов. Так они на лошадей – и галопом в степь. Взяли двоих наших. Саньку Голо-деда и Мишку Сарыча. Они наши места хорошо знают. Вот...

– А кто у них главный?

– Кто его знает? Он мне не докладывал, зато бумагой хвастался. Дескать, кого хотим – того и стреляем, дескать нам на это все права дадены.

– Выглядит он как?

– Не наш он. Городской. Как есть городской. Лицо худое, бледное. Очки на носу, совсем такие, как у нашего батюшки. Тот их всегда надевает, когда бумаги пишет.

Я решил сменить тему, тем более что на данный момент меня интересовала больше всего железная дорога.

– Станция большая? Часто там останавливаются поезда?

– Большая, вашбродь. Только вот насчет поездов ничего не скажу. Раньше, при царе-батюшке, когда проходил поезд Москва – Ростов, на перроне обязательно оркестр играл. Трубы, сказывают, у них так начищены, что глазам смотреть больно. Сам не видел, поэтому врать не буду, но мой сродственник, Колька Батурич, в мастеровых, на этой самой станции работал. Так он все это и рассказывал.

Сейчас я не просто вспоминал рассказы старика, а анализировал их, раскладывая крохи полезной информации у себя в голове. Мне, в моем положении, любая мелочь годилась.

– Как легко дышится на свободе! И на сердце радостно! А вам как, Вадим Андреевич? – неожиданно прервал мои мысли подполковник, управлявший лошадьми.

– Действительно, хорошо. Знаете, степь мне море напоминает. Как ветер подует, так вся волнами ходить начинает. А дышится и правда легко, тут вы правы, господин подполковник.

– Это вы бросьте, Вадим Андреевич. Зовите по имени-отчеству. Вот если по службе нам доведется встретиться, то тогда извольте по чину обращаться, а сейчас мы с вами просто попутчики, и как ляжет наша дальнейшая судьба, один Бог знает. Я, собственно, чего решил к вам обратиться. Вы же там были? Расскажите.

– Там? На том свете, что ли? – уточнил я.

– Вам лучше знать, Вадим Андреевич. Но уж больно мне интересно, что там? Если это нечто личное или тайное, то я не настаиваю.

– Нет тут ничего тайного, а вот непонятного много, – и я рассказал подробно про свой сон-явь.

Подполковник довольно долго молчал, думая о чем-то, а потом сказал:

– Вот вы сказали про выбор. Вас кто-то спросил?

– Нет. Ни вопроса, ни голоса не было. Просто, я как-то понял, что мне предстоит сделать выбор.

– Значит, не каждому это Бог дает, – неожиданно сделал свой вывод Донской. – И это правильно. Вот только теперь вам надо думать: почему Господь над вами смилостивился? Это знак свыше, и вам его надо обязательно понять.

«Мне бы это тоже это хотелось...» – и тут снова мои мысли перебил громкий голос Донского:

– Штаб-ротмистр знаки подает! Может, воду нашел!

Дело в том, что при нашем поспешном бегстве мы забыли про воду, а после засады нашли в телеге трехлитровый бидон со спиртом и четыре фляжки, которые наполнили водой. Лошадей тогда напоили, но после четырех часов непрерывной скачки под палящим солнцем мы и лошади хотели пить, а тем, что у нас осталось, не хватило бы напоить даже одну лошадь. Вдруг кони, вытянув морды, как-то странно зафыркали, а подполковник неожиданно для меня перевел их поведение на человеческий язык:

– Точно-точно. Воду наши лошадки почуяли. Где-то тут недалеко. Да вон и наш барон скачет.

Фон Клюге даже в красноармейской форме имел залихватский вид гусара. На голове кубанка с красной лентой, снятая с командира-кавалериста. За спиной кавалерийский карабин, накрест, через плечо перекинут ремешок, на котором висит деревянная коробка с маузером. Вот только лицо подвело бравого гусара. Сплошные синяки и кровоподтеки.

– Есть вода, – он показал рукой. – Там овраг. Низина и кусты густо растут. Я не приближался, но следов вроде нет.

Ключ мы нашли, вот только при этом наткнулись на секрет красных. Не было у господ офицеров навыков следопытов, да и замаскировались большевики хорошо. Нас они заметили уже давно, вот только понять никак не могли, кто это по степи шастает. Малое количество людей, красноармейские звездочки на фуражках, избитые лица и тачанки, по которым точно не скажешь, что это господа офицеры или бандиты катаются по степи. После короткого совещания красные бойцы решили, что это, скорее всего, анархисты, так как все они все с придурью, а когда марафетом зарядятся, так и вообще...

Мы уже подъезжали, как из кустов неожиданно поднялся красноармеец и поднял руку, приказывая остановиться.

– Стоять! Кто такие?!

– От белых гадов из плена бежим! – брякнул я первое, что пришло мне в голову. – Здорово, товарищи! Сволота золотопогонная мордовала нас! Чуть со свету не сжила!

– А чего форма на вас новая, раз с плену бежите?!

– Так отряд наш порубленный, как есть, нашли, – скороговоркой продолжил врать я. – Видно, бандюки налетели и порубали. Бой там был страшный. Десятка два побитых было.

Я понял, что заврался окончательно, и уже не знал, что говорить дальше, как вдруг неожиданно раздался выстрел и красноармеец рухнул на землю с простреленной головой. Донской успел еще раз выстрелить, до того как по нам ударил пулемет, а затем заговорили винтовки. Опередив на мгновение выстрелы, я прыгнул с тачанки, сразу уйдя в перекат, в надежде на то, что густая и высокая трава скроет меня. Мельком успел заметить, как, погоняя лошадь, уходит в степь штаб-ротмистр, как упал с тачанки Донской. По глухому удару тела о землю можно было сказать, что это падал уже мертвец. Слышал полный боли крик доктора, затем ударил отдельный винтовочный выстрел. Возможно, стрелял подпоручик или просто красные добились одного из моих попутчиков. Все это мозг отметил автоматически, чтобы дать понять: я остался один на один с засадой красных, вооруженной винтовками и пулеметом. Не теряя времени, сразу пополз, забирая влево, чтобы тачанка хоть как-то прикрыла меня. Ударил выстрел, недалеко от меня свистнула пуля, кто-то выстрелил наугад, пытаюсь проверить меня на испуг. Вдруг испугается и побежит, а тут мы его, голубчика, и возьмем на мушку. Я замер, весь превратившись в слух. Наступила относительная тишина. Было слышно, как жужжит над цветком шмель.

«Сейчас они должны послать пару-тройку человек для контроля. Вот и они...»

За треском кустарника послышался легкий шум шагов, которые осторожно приближались ко мне. Расклад был явно не в мою пользу. Враги настороже, готовы стрелять. Шаг, шелест травы, еще шаг... Тело напряглось, пальцы сжали рукоять револьвера, как вдруг раздались винтовочные выстрелы, а им в ответ ударил пулемет. Я мгновенно среагировал на сложившуюся ситуацию, даже не понимая, что сейчас произошло. Резко привстал и, выбросив вперед руку, дважды нажал на спусковой крючок, целя в двух отвлекшихся на выстрелы красноармейцев, а уже в следующую секунду вскочил и со всех ног кинулся, петляя, в сторону кустов. В мою сторону ударил выстрел, но для бойца мой рывок явно оказался неожиданным, поэтому,

торопясь, он промахнулся, а я тем временем уже добежал до кустов и упал в траву, при этом отметив, что один из двух подстреленных мною красноармейцев громко, с надрывом стонал.

«Это хорошо. Отвлекает их внимание. Так сколько их осталось?»

Но на этот вопрос враги ответили сами. Выстрел. Снова выстрел, шелчок затвора, выстрел. Мой мозг сразу принялся за работу: отмечал, фиксировал, сопоставлял.

– Он туда побёг! Сам видел! Климов, заходи слева!

– Симагин, что там?

– Кончил я эту суку белую. Вон тварь валяется, вместе с ево конем.

– Симагин, мать твою, разверни пулемет и ударь по этим кустам!

Послышался треск кустов и тяжелое дыхание солдата, перекатывающего пулемет. Все их действия были бесполезны, так как они не видели меня, а значит, не могли контролировать обстановку. Правда, от случайностей и я не застрахован. Под их крики я спокойно зарядил барабан револьвера и снова отполз метров на десять. Меня и чекистов разделяли кусты, которые не были для меня препятствием, так как я умел стрелять на звук так же хорошо, как если бы они были от меня в прямой видимости. Я смотрел на плотный кустарник, а сам видел живых людей, считывая приблизительное расстояние до них, при этом учитывая нашу разницу по высоте. Непонятно для меня было только положение пулеметчика. Небольшая разница в высоте – и моя пуля уйдет рикошетом от его щитка. Вдруг неожиданно в мою сторону ударила длинная очередь, срезая ветки и листья, которая прошла правее от меня, вслед за ней ударил винтовочный выстрел.

– Климов! Что, попал в гада?!

– Та не...

В этот момент я вскочил и всадил по две пули в кусты, стреляя на голоса бойцов. Ответом были глухие шлепки от падения тел, а затем раздался долгий протяжный стон.

– Сашко! Брат! погоди! Не умирай! – вдруг надрывно закричал пулеметчик.

Я слышал, как он вскочил и побежал. Снова перезарядил револьвер, слушая, как причитает пулеметчик над телом умирающего брата.

– Сашко! Братишка, что я нашей матери скажу?! Сашко!

Под эти крики я обошел кустарник и вышел ему за спину. Видно, в этот самый момент его брат умер, потому что до этого он поддерживал его голову, а тут осторожно опустил на траву и заплакал, но уже в следующую минуту вскочил на ноги и затряс в воздухе руками. Пальцы были сжаты в кулаки приличных размеров.

– Тварь!! Сука золотопогонная!! Мать твою!! Где ты есть!! Выходи! Руками порву! Горло перегрызу!! Мать твою!..

– Я здесь!

Пулеметчик, резко развернувшись на мой голос, попытался выхватить из кобуры револьвер, но в этот самый момент тяжелое лезвие немецкого штыка вошло ему в грудь. Быстро осмотрелся. К моему удивлению, лошадей было только две. А где тачанка? Пулемет стоял на ровной площадке, для которой специально срезали грунт. Рядом с ним в землю были воткнуты две саперные лопатки. Классическая засада. Вот только на кого? Хмыкнув, стал выбираться из оврага. Выжить я выжил, но радости не чувствовал, так как остался один. Оружие было, направление, хоть приблизительно, но я знал, а вот с лошадьми мне никогда не приходилось работать. За ними нужно ухаживать: кормить, поить, запрягать. Да, я смогу поехать на тачанке, но если придется убегать, то без навыков моя попытка изначально будет провальной, хотя за время короткого совместного путешествия старательно подмечал и анализировал действия Донского, который правил лошадьми.

«Один за возницу и за пулеметчика, – я покачал головой и стал выбираться из оврага. – Впрочем, не из таких положений выходили. Что надо сделать сначала? Напоить, а затем запрячь свежих лошадей в тачанку, после чего двигаться по намеченному маршруту».

Держа наготове револьвер, я осторожно вылез из оврага и пошел смотреть, что осталось от нашего маленького отряда. Раненый красноармеец уже умер, к моему сожалению, так как у меня были к нему вопросы. Военврач и подпоручик были мертвы, как и лошади из их тачанки. Пулеметчик не стал разбираться, свалил их всех одной очередью. Развернувшись, бросил взгляд в сторону места смерти фон Клюге и невольно вздрогнул. В эту самую секунду «покойник» вставал с земли. Вот он отряхнул одежду, поднял винтовку и быстрым шагом направился ко мне.

– Как вы? – поинтересовался я, как только он подошел.

– Живой, как видите, – хриплым голосом, еще полным напряжения, ответил штаб-ротмистр.

– На что вы надеялись, когда в одиночку бросились в атаку на пулемет?

– На вас, поручик, – как-то по-будничному ответил «тевтон». – Вы должны были выжить.

Увидев в моих глазах вопрос, добавил:

– Вас Бог выбрал, он и хранит.

Я несколько опешил от подобного заявления, но комментировать не стал, а вместо этого спросил:

– Что нам теперь делать?

– Большевики здесь сделали засаду на бандитов. Помните, старик-крестьянин сказал, что отряд чекистов в степь за бандитами ускакал? Вот здесь и есть их часть отряда.

– Значит, вы тоже думаете, что они хотели заманить их сюда?

– Ответ очевиден, поручик. Видно, родник здесь один на десятки верст. Местные про него знали, поэтому привели сюда чекистов, – фон Клюге покрутил головой по сторонам. – Все мертвы?

– Все.

– В любой момент могут нагрянуть или те, или другие. Нам надо быть готовыми к их приходу. Так что, поручик, давайте приниматься за работу. Для начала отведем наши тачанки в овраг, потом я займусь лошадьми, а вы стаскивайте трупы в одно место. Хотя бы вон туда, за те кусты. М-м-м... Надо бы наших похоронить. Не по-христиански бросать так их тела.

– Здесь есть две саперные лопатки.

– Вот и славно. За работу, поручик. За работу.

Следующие два часа мы трудились как проклятые, убирая последствия стычки. Только при ближайшем рассмотрении сразу становилось видно, что здесь была схватка. Посеченные пулями кусты, кровь на примятой траве, а также труп лошади, лежащий в ста метрах от оврага. Сняли один пулемет с тачанки и установили недалеко от захваченного пулемета красных. Другая тачанка осталась в боевой готовности, если вдруг придется быстро уходить. Штаб-ротмистр только заменил в ней лошадей на свежую пару. Костер разводить не стали, а перекусили на скорую руку вареными яйцами, салом, хлебом и луком. Запили ключевой водой и стали ждать. Чего? Мы сами не знали. Лично я считал, что нам надо сразу уезжать, но спорить не стал и решил положиться на «тевтона», который предложил дожидаться ночи, а уже потом уехать. Я с трудом боролся со сном, сказывалась бессонная ночь, и, чтобы не заснуть, завел разговор с фон Клюге. Тот не то чтобы охотно, но все же поддержал разговор. Начал я с самого себя.

– Михаил Генрихович...

– Извините, что перебиваю, но давайте, если вы не против, упростим наше обращение друг к другу. У меня с училища осталось прозвище Барон. Вот так меня и величайте. Слушаю вас дальше, поручик.

– Пусть так. Вы что-то можете сказать обо мне? Фамилия, родные, близкие?

– Для начала выскажу свое мнение о том, кем вы были до смерти. Скажу прямо, в моих глазах вы были позором русской императорской армии. Мы познакомились уже после того, как нас сняли с поезда. Вы уже тогда напоминали чересчур нервного, дерганого человека. Когда

в первый раз вас увидел, вы чуть ли не со слезами на глазах упрашивали наших конвоиров отпустить вас, потому что вам надо срочно вернуться в Москву, где вас ждет какая-то Таня.

– Таня?! – это имя невольно вырвалось у меня.

Вроде маленькой молнии проскочило в моем сознании, осветив микроскопический кусочек чужой памяти. Это была тень чужих воспоминаний, которая не оставила почти ничего, кроме всплывших в памяти нескольких слов: «Буду ждать тебя вечно».

– Да что за... – слова автоматически вырвались, но я оборвал сам себя.

«Таня. Буду ждать тебя вечно. Что это было?»

– Поручик, как вы себя чувствуете? – в голосе штаб-ротмистра слышалось беспокойство.

– Все нормально.

– Нам вместе продолжать путь, и я не думаю, что он будет легкий. Вот я и хочу узнать: у вас что, сейчас приступ был? Вы словно превратились в статую. Замерли и смотрите в никуда.

– Не волнуйтесь, барон. Просто имя Таня почему-то имеет для меня большое значение. Продолжайте, я слушаю вас внимательно.

– Солдаты были не против вас отпустить, но тут приехали чекисты, после чего вы оказались вместе с нами в сарае. Вы то сидели и молчали, неподвижно глядя в пространство, то стучали в дверь с требованием выпустить. Вот и нарвались на коменданта, который в пьяном состоянии пришел посмотреть на классовых врагов. Вы кинулись к нему... Короче, вас забрали на допрос, а потом привезли и забросили в сарай. Через пару часов стало понятно, что вы не жилец на белом свете. Сообщили часовому. Вот только Бог решил иначе: забрал память и вдохнул в вас новую жизнь.

– Вам это не кажется странным?

– Не кажется. Вся моя семья – очень набожные люди. Мне с детства внушали, что все в руке Божьей. Бог взял – Бог дал. То, что произошло с вами, чудо, но главное в этом я считаю другое: вы всем нам спасли жизнь и честь. Мне не страшно умереть с оружием в руках, но быть забитым красными ублюдками... Нет! Мои предки, остзейские бароны, случись такое, перевернулись бы в своих гробах! Еще я вам скажу... Впрочем, сейчас мы говорим о вас. Так вот, в бреду вы постоянно твердили имя девушки и просили ее вас простить, – штаб-ротмистр немного подумал и добавил: – К сожалению, поручик, больше мне нечего вам сказать. Хотя нет, есть еще кое-что. Вы – Вадим Андреевич Беклемишев, поручик – артиллерист. Теперь все.

Ни названный род войск, ни фамилия ничего не затронули во мне. Никого отклика в душе, одна пустота.

– Спасибо, господин штаб-ротмистр.

– Не за что, господин поручик. Только я еще вот что хотел вам сказать: вы каким-то необъяснимым образом изменились, превратившись из овцы в матерого хищника. У меня есть большие сомнения в том, что в своей прежней ипостаси вы могли так ловко сворачивать головы и метать ножи. Подполковник в нескольких словах поделился своим мнением о вас... Погодите-ка! Лошади что-то учуяли! – с минуту барон выдерживал паузу, потом уверенно сказал: – К нам гости, поручик. Встретим их, как полагается русским офицерам.

При этом он ободряюще посмотрел на меня, а я в ответ чуть кивнул головой. Дескать, не подведу вас, барон. Чуть раздвинув кусты, я увидел смутное пятно на горизонте, которое начало быстро расти, и спустя какое-то время уже различал фигуры всадников, несущихся к балке во весь опор. Скоро стало понятно, что впереди скачущие конники, это отряд, который уходит от преследования. Одни из беглецов оборачивались и старались стрелять прицельно, другие, не глядя, просто стреляли через плечо. Вот бандит в папаше догнал красноармейца и стал его обходить, занося шашку над головой. Если до этого боец несся стрелой, пригнувшись к гриве лошади, то тут видно почувствовал опасность и резко выбросил руку с револьвером в тот момент, когда на него уже падало остро отточенное лезвие сабли. Грянул выстрел, и в то же мгновение со всей силы в человеческую плоть впились шашка, разрубая плечо. Пуля,

ударив бандита в грудь, опрокинула его на круп лошади, а тяжелая рана, полученная от шашки, заставила бойца выронить оружие и дико заорать от боли.

Мозг уже не успевал фиксировать всю картину схватки, разбивая ее на отдельные фрагменты. Вот конь, хрипя и испуганно кося глазом, волочит по земле своего мертвого хозяина, чье тело свесилось с седла, зацепившись ногой в стремя. Громыхнул винтовочный выстрел, и во лбу оглянувшегося чекиста появилось аккуратное круглое отверстие, зато с другой стороны тяжелая пуля вышибла изрядный кусок затылочной кости вместе с окровавленными комками мозга, которые полетели в разные стороны. Готовый начать стрелять в любой момент, я продолжал смотреть, как два с половиной десятка озверевших людей рубили и стреляли друг в друга. Если красные скакали молча, то бандиты самозабвенно орали:

– Бей комиссаров!! Мать их!! Руби красную сволочь!!

Фон Клюге, находящийся от меня в трех метрах и до этого молча смотревший на эту смертельную скачку, неожиданно сказал:

– Душа радуется, глядя, как эти ублюдки изничтожают друг друга. А вон там, поручик, смотрите левее, скачет очкарик, о котором старик говорил.

Я посмотрел в ту сторону. Все так. Молодой чекист с лицом студента. Солнце ярко отражалось от стекол его очков.

Когда до балки оставалось метров двести, чекисты резко изменили направление, собираясь подставить бандитов под пулемет, и тем самым мы получили окончательное подтверждение своей догадке. Отряд чекистов, а вернее то, что от него осталось, сейчас заманивал в засаду бандитов. Они уже были в семидесяти метрах от нас, когда барон, даже не скомандовал, а негромко сказал:

– Огонь!

И дульные отверстия наших пулеметов расцвелись дрожащими «розочками» огня. Струи пуль секли скачущих людей; фигуры в гимнастерках ломались, выгибались, падали с лошадей, чтобы затем корчиться на земле, крича от боли. Кто-то из красноармейцев закричал:

– Нас предали!! Надо уходить!!

Некоторые из них пытались резко развернуть лошадей, осаживая на скаку и рвя им губы удилами, но спустя секунду-две падали под копыта своих лошадей, сраженные пулеметной пулей. Бандиты, услышав работу пулеметов, стали резко выходить из боя.

Всадники заворачивали лошадей, кто налево, кто направо, пытаясь спасти свои жизни, только мало кому из них удалось уйти. Я насчитал пятерых беглецов, которые, безжалостно нахлестывая коней, убегали в степь, при этом одного из них изрядно шатало в седле. Проследил за ним взглядом. Сначала бандит еще держался в седле, но потом завалился на гриву лошади и стал медленно сползать. Дальше смотреть не стал, а отодвинувшись от пулемета, сел на землю и вытер пот с лица. Гимнастерка прилипла к спине. Повел плечами. Барон все это время смотрел на меня, потом резко поднялся с земли. Отряхнулся.

– Идемте, поручик. Может, там есть кто живой, – и он демонстративно расстегнул кобуру.

Вскочил на ноги и пошел вслед за ним. Живые были, по крайней мере были слышны стоны двух человек. Выдернув из кобуры револьвер, вышел из-за кустов. Только сейчас я смог оценить полностью картину произошедшего стремительного боя. Вперемешку с трупами лошадей на земле лежало более двух десятков убитых человек, когда-то смертельно ненавидящих друг друга врагов, вот только теперь их всех примирила смерть. Фуражки со звездочками соседствовали с папахами и картузами, а винтовки лежали рядом с обрезам и наганями. Бросил взгляд на раненую лошадь. Безуспешно пытаюсь подняться, она рыла копытами землю, все больше заваливаясь на бок. Штаб-ротмистр сразу направился к ней, на ходу доставая револьвер. Втянул в себя воздух. Запах пороха и крови резко перебивал аромат разнотравья. Раздался выстрел, и жалобное ржание оборвалось. Огляделся по сторонам. Потерявшие хозяев лошади, отбежав, сейчас стояли в отдалении, прядая ушами и кося в нашу сторону испуганным глазом.

С кого начать? Подошел к трупам командира отряда. Молодой парень. На вид лет двадцать или немного больше. Лежал навзничь, раскинув руки и глядя мертвыми глазами в синее небо.

«Он же был в очках», – вспомнил я и огляделся вокруг.

Нашел быстро. Изломанная оправа с одним стеклом лежала в метре от его головы. Снял с мертвеца планшет, затем лакированную коробку маузера. Неожиданно за моей спиной раздался выстрел. Не оборачиваясь на барона, направился к стонущему человеку. Это оказался один из чекистов. Пуля попала ему в бок. Вся левая часть его галифе потемнела от крови. Скосив на меня мутные от боли глаза, он тихо спросил:

– Зачем, товарищ?

На этот вопрос его, без сомнения, подвигла красная звездочка на моей фуражке.

– Я тебе не товарищ.

– Тогда не мучай, сволочь. Стреляй сразу.

Я нажал на спусковой крючок. Повернулся. Барон, сидя на корточках, о чем-то негромко говорил со вторым раненым. Только собрался подойти к нему, как заметил краем глаза еле заметное движение. Резко развернулся, готовый стрелять. В нескольких метрах от меня лежал ничком русоволосый парень. Было видно, что это еще совсем молодой бандит. Мне одного взгляда хватило, чтобы понять, что это не мертвец: тело не обмякло, а наоборот, было напряжено.

– Или ты встаешь, парень, или я тебе сейчас башку прострелю. Выбирай.

Молодой бандит промедлил несколько секунд, после чего приподнялся и встал на колени. Руки сложил перед собой, словно собрался молиться, а в глазах слезы стоят. Ему было сейчас очень страшно.

– Дяденька, Христом Богом прошу, не стреляй. Христом Богом прошу, не убивай! – зачастил он срывающимся голосом.

В какой-то момент лицо мальчишки скривилось, он уже был готов заплакать навзрыд.

«Сколько ему? Шестнадцать? Семнадцать?»

– Вставай, – я качнул стволом револьвера. – Кто? Что? Откуда?

– Я... Я тутошний. С Андреевки. Сенька Мельник.

Неожиданно раздался вопль боли. Мальчишка дернулся и резко повернул голову в сторону фон Клюге, который сейчас вел допрос раненого бандита, подкрепляя свои вопросы прикладами винтовки. С трудом отведя взгляд на дергающееся в спазмах боли тело своего односельчанина или земляка, Сенька бросил умоляющий взгляд на меня, но сразу опустил голову.

– Чего замолчал? Продолжай.

– А чаво говорить? – вытаращил на меня испуганные глаза паренек.

– Нам нужны сведения об этой местности. Где красные, где бандиты. Какие деревни рядом. Станции, города. Это понятно?

– Да, дяденька. Скажу! Только я наше село знаю. Еще деревни есть и станция недалеко.

– На станции кто? Красные? Бандиты?

– Не, дяденька. Гетманцы. А в Андреевке и двух деревнях – крестьянская власть.

– Атамана Бережного? – поинтересовался я.

– Антошка Бережной просто бандит, а наш атаман Грушницкий, он народом избранный. За людей радеет, за волю народную, – он посмотрел на меня и почему-то решил объяснить свои слова: – Так мой батя говорит.

Из дальнейшего неровного, сбивчивого рассказа парня стало понятно, что в этой части местности власть в руках атамана Груши. Так по-простому зовут его в народе. Его бандиты порубали сельсоветы в Сергиевке и Грязново, дважды останавливали и грабили поезда. Напали на станцию Иловайская, которая была под большевиками, где перестреляли два десятка охраны из рабочей дружины, забрали их оружие и начисто разграбили пакгаузы. Телеграфист успел сообщить, и на захваченную станцию на мотодрезине срочно выехал на перехват бандитов

милицейский отряд по борьбе с бандитизмом, но попал в умело поставленную засаду и погиб в полном составе. Половину того, о чем мне рассказал, Сенька предпочел бы умолчать, но он был подростком и у него не было того опыта, что у меня, поэтому правда быстро выползала наружу. Он бледнел, краснел, кусал губы и, наверно, не раз мысленно клял себя за длинный язык. На вопрос о том, сколько времени он принимает участие в подобных налетах, ответил, что это в первый раз, при этом клялся родителями и Богом, что больше такого не будет. Я ему не поверил, но уточнять не стал. По словам паренька, под рукой местного атамана находились не менее ста сабель и полтора десятка тачанок. Когда разложил в голове по полочкам то, что я узнал у паренька, мне стал ясен приблизительный расклад местных сил. В пределах трех конных переходов, между большевиками и военным отрядом гетмана Скоропадского, которые только и имели силы, чтобы удерживать крупный железнодорожный узел, власть делили две банды. Грушницкого и Бережного. К тому же, со слов Сеньки, кроме прочих противников у народных защитников были еще петлюровские отряды, с которыми уже была одна стычка. Причем произошла она, как я уточнил, не по политическим мотивам, из-за сала и горилки.

– Если у твоего атамана, как ты говоришь, сто хлопцев, то зачем красные послали такой малочисленный отряд чекистов против него?

– А я знаю?.. – при этом паренек равнодушно пожал плечами. – Можя Бережного ловят? У него хлопцев мало, к тому же бают, что он какой-то обоз красных порубал.

– Через станцию поезда хоть ездят?

Сенька не успел ответить, как подошел барон с каменным лицом, а значит, насколько я успел его изучить, очень злой. В руке он держал шашку, снятую с бандита. Бросил только один взгляд на малолетнего бандита, как тот затрясся, словно осенний лист на ветру. Фон Клюге явно хотелось кого-нибудь убить.

– Посмотрите, поручик, – и фон Клюге приподнял руку с шашкой. – Видите, кого это быдло убило?

Только теперь я рассмотрел Георгиевский крест на эфесе, потом вопросительно посмотрел на барона.

– Какого дьявола вы на меня смотрите, поручик?! – неожиданно зло выкрикнул барон. – Вы на шашку... А, черт! Ваша память! Эти мрази убили офицера-храбреца! Это наградное оружие, которое...

– Господин штаб-ротмистр, сейчас не до эмоций.

Тот дернул головой, словно норовистая лошадь, но бешеный блеск своих глаз притушил.

– Вы правы. Извините! Продолжайте, господин поручик, а я пока займусь сбором трофеев.

– К офицерам как твой атаман относится? – продолжил я допрос.

Парень опустил голову.

– Ладно. Так ходят поезда?

– Ходят. Только когда как.

– Гетманцев на станции много?

– Много. Станция большая. Рядом со станцией поселок. Даже рынок есть.

«Рынок, это хорошо. Это очень интересно».

– Пока поедешь с нами. Вставай.

Много чего нам досталось с двух разбитых отрядов. Оружие, патроны, гранаты, двенадцать фляг и одна баклага с водой на три литра. Особенно ценным приобретением стал бинокль, снятый с командира-чекиста. Исходя из полученной информации, мы решили, что фуражки с красноармейскими звездочками здесь плохо принимают, после чего присмотрев себе наиболее чистую одежду, переоделись в гражданское. Нашлись и свежие продукты. Хлеб, сало, лук, вареная картошка и яйца. Помимо продуктов в походных сумках бандитов мы нашли немного драгоценных изделий и семь золотых монет царской чеканки. В кармане командира

чекистов я нашел мандат, о котором говорил Митрич. Предельно циничная бумага. Сам себе судья, прокурор и расстрельная команда, а главное, что врага ты определяешь сам. Показал документ штаб-ротмистру. Тот прочитал его дважды, словно не сразу поверил, потом тихо сказал:

– Большевики за все заплатят. За все. Кровью.

Вроде ровно и негромко сказано, но за этими отрывистыми словами была дикая ненависть к красным, удерживаемая сильной волей.

«Ох и непрост этот штаб-ротмистр».

Держа парня под присмотром, мы принялись готовиться к походу. Заполнили водой все найденные емкости. Сложили и пересчитали оружие. Что с ним делать? Бросать жалко, а везти с собой проблемно. Вот куда сунешь третий пулемет? А лошади? Тут я вспомнил слова паренька насчет рынка, а потом посмотрел на барона. Этот точно не станет заниматься торговлей, но он мне не сват и не брат, а я нахожусь сейчас в автономном рейде и должен обеспечивать сам себя. К тому же нет во мне, скажем так, благородства, как у нынешних офицеров, которые старались свято блюсти кодекс офицерской чести. Я знал, что этика русского императорского офицера требовала и на войне придерживаться гуманных способов действий, соблюдать «законы войны», проявлять милосердие, не проливать лишней крови, вот только учили меня в той жизни преподаватели Страны Советов использовать любые методы и возможности для выполнения задания. Быстро обдумав все это, я подошел к барону и коротко рассказал все то, что узнал от паренька.

– Что скажете, барон? – спросил я его после своего рассказа.

– Что тут говорить? Добираемся до станции и ждем там поезда на Ростов.

– А гетманцы?

– Скоропадский неплохо относится к русскому офицерству. К тому же я слышал, что у него много наших служат. Так что собираемся и едем, господин поручик. Время дорого!

– Поезд должен скоро прийти, – вдруг неожиданно сказал сидевший на земле Сенька, уж очень ему не хотелось ехать с нами. Он боялся барона до дрожи в коленках, даже старался не смотреть в его сторону, а уж тем более в лицо. Мыслил он по-детски наивно: офицеры поедут прямо сейчас к станции и раз не убили сразу, оставят его в степи. Зачем он им? Мы почти одновременно со штаб-ротмистром повернулись к нему. Ни он, ни я спрашивать не стали, сам начал, пусть и дальше сам говорит.

– Я разговор подслушал, перед самым отъездом. Батяка с атаманом... – он замолчал, так как понял, что сказал лишнее.

– Живо отвечай! Кто твой отец?! В глаза смотри! Ну! – паренька от резкого оклика барона передернуло, словно хлыстом перетянуло. Он вздрогнул, вскинул голову.

– Говори! Живо!

Паренек вскинул глаза на барона, застыл и, не опуская глаз, быстро забормотал:

– Степан Мельник. Батя с детства с дядей Григорием дружит.

– Твой отец у атамана в офицерах ходит?! – теперь уже его спросил я.

– Нет! Он...

– Соврешь сейчас – застрелю, – пообещал ему барон равнодушным голосом.

– Он... – нехотя выдавил из себя Сенька, – пулеметными тачанками у атамана командует.

Парнишку пробрала крупная дрожь. Видно уже решил, раз он сын подручного атамана, то теперь его обязательного убьют.

– Дальше, – бросил барон.

– Атаману верный человек донес. Так они собираются остановить поезд на станции.

– Разве он не должен сам остановиться на станции? – поинтересовался я.

– Это на Иловайской, а Тихорецкую паровоз проходит без остановки.

– А чего не на Иловайской?

– Так там же гетманцы.

– И как хотят остановить?

– Не знаю. Я ведь только начало разговора слышал, а потом меня батька за дверь выставил.

– Значит, когда точно состав прибывает, ты не знаешь?

– Не, дяденька. Думаю, дня... через два.

Я посмотрел на барона, он на меня. Сейчас мы, наверно, думали об одном и том же. На одной станции сядем, а на другом полустанке бандиты остановят поезд, нас выведут в чистое поле и шлепнут. Опять шансов пятьдесят на пятьдесят. Вот как хочешь, так и выбирай. Вот только решать что-то надо сейчас.

«Болтаться в степи нет никакого смысла. Ну, доберемся до станции... А на что потом жить? У нас избыток лошадей и оружия. Может, как-то можно продать...»

– Парень, а на рынке возле станции коней можно продать? Или винтовки?

При этих словах на меня как-то странно посмотрел барон, словно увидел меня впервые и сейчас пытался понять, кто я такой. Паренек сразу не ответил. Было видно, что ему есть что сказать, но при этом он сомневался, стоит ли говорить.

– Слушай, парень, если все у нас хорошо сладится, то мы тебя с собой брать не будем. Там и оставим, – попробовал я подтолкнуть подростка к принятию решения.

– Точно?! Оставьте? – его лицо оживилось.

Я кивнул головой.

– Тогда... к дядьке Мирону можно съездить. Он купит лошадей и оружие, – в голосе у парня явно прибавилось уверенности.

«Что-то задумал, сучонок. Риск есть. Голову даю, что этот Мирон имеет прямое отношение к банде, а с другой стороны, у нас есть двое суток в запасе. Если выгорит... Попробую».

«Едем», – решил я и спросил у «тевтона»:

– Вы как, барон, относитесь к нашему маленькому походу к местному барыге?

– Поручик, вы точно дворянин?! – в голосе штаб-ротмистра слышалось неподдельное возмущение.

– Ничего не могу сказать по этому поводу. Память у меня дырявая.

Барон скривился, словно лимон надкусил. Я понял, что дискутировать со мной он не собирается.

– Не знаю, как вас, а меня в этом мире никто бесплатно кормить и поить не будет! – поставил я точку в этом вопросе. – Сенька, сколько ехать?

– К вечеру будем.

Барон осуждающе посмотрел на меня, но говорить ничего и не стал.

– Тогда поедим и поедем.

– Погодите, поручик. Есть еще одно. Лошади.

Я недоуменно посмотрел на него, а потом на коней, которые, постепенно успокаиваясь, стали все ближе подходить к месту схватки. Мне удивительно было видеть, как они спокойно идут между трупами людей, но при этом испуганно всхрапывают и косятся на тела своих мертвых собратьев.

– Что с ними не так?

– Подождите. Потом объясню.

В течение следующего часа штаб-ротмистр осматривал лошадей, после чего освободил часть их от сбруи и отпустил на волю. Подойдя, поймал мой взгляд, пояснил:

– Возраст. Еще два-три года и на крестьянское подворье, сено возить, а у нас сейчас крепких и молодых лошадей хватает.

Мы ехали на двух тачанках, а за нами на длинном поводу скакало восемь лошадей. Одной тачанкой управлял барон, другой – Сенька. Я ехал вместе с ним. Пытался за дорогу паренька разговорить, но тот отвечал скупой, короткими фразами, но и той информации, что я из него выжал, мне хватило, чтобы сложить свое мнение как о личности бандитского барыги, так и его доме. Паренек что-то недоговаривал, но не трудно было догадаться, что дом Мирона представляет собой бандитскую базу, а значит, вполне можно нарваться на нежелательных личностей. На это, скорее всего, и рассчитывал сынок бандита, при этом он намекнул, что Мирон будет разговаривать только с ним, а чужим людям, без всякого сомнения, даст от ворот поворот.

Солнце уже склонилось к горизонту, когда вдаль показалась деревня. Придержав лошадей, остановились.

– Штаб-ротмистр, давайте совет держать.

– Так вы вроде все уже сами решили, поручик. Или еще нет?

– Я исходил из того, что нам не нужны лишние лошади и оружие. Ведь они и вам не нужны, не так ли?

– Вы что, в прежней жизни были торгашом? – вдруг со злым ехидством в голосе неожиданно спросил меня барон.

– У определенного круга людей есть такая черта характера – практичность. У меня она присутствует. Так есть какие-то предложения?

– Сейчас надо ехать, потому как стемнеет, дядька Мирон никому уже не открывает. Воров боится, – неожиданно проинформировал нас парнишка.

– Значит, ты говоришь, что кроме Опанаса у него охраны нет? – уточнил я у парнишки.

– Нету, – как-то быстро подтвердил Сенька. – Только если народ какой...

– Народ. Ну-ну.

– Сейчас поедем с тобой, парень. Так вот тот дом Мирона, Сенька?

– Тот. Гляньте. У него один такой высокий забор на всю деревню, а на крыше дома – вон видите – деревянный петух.

– Молодец. Проверить тебя хотел. Барон, вы пока присмотрите за мальчишкой, – с этими словами я спрыгнул с тачанки, а затем, схватив паренька за руку, стащил на землю.

– Как?! Вы же меня обещали взять с собой?!

– А ну цыц, сучонок! – прикрикнул на него штаб-ротмистр, сидящий на облучке второй тачанки. – Лег на землю! И тихо лежи или пулю пуцу!

Последнее относилось к истерике парня, который окончательно осознал, что остается здесь, поэтому просто упал на землю и, плача, замолотил по ней кулаками.

Какие-то навыки к езде на лошади тело поручика хранило, поэтому я без проблем уселся в седло. Конь покосился на меня, но нервозности проявлять не стал, только ушами немного подергал. На барона смотреть не стал, так как знал, что увижу ехидную ухмылку на его лице. Тронул поводья, лошадь пошла вперед. На землю стали спускаться сумерки, тени стали длиннее, а дома, как-то разом потеряв четкость очертаний, начали сливаться друг с другом. Полная темнота мне была не нужна, так как работать на незнакомой территории, да еще в полной темноте без специального оборудования, мне совсем не улыбалось. К тому же возможны самые различные сюрпризы. Как я подъезжал, меня могли видеть только с двух соседних домов, но я специально уточнил у парня, какие отношения у бандитского барыги с местными жителями. Ответ меня полностью устроил. Мужик он был жадный, про таких, как он, говорят: за копейку удавится, ни с кем в деревне дружбу не водит и живет особым образом.

Когда до околицы оставалось метров триста, я остановил коня и стал наблюдать. Если в начавших опускаться сумерках издали деревня сливалась в одно большое темное пятно, то сейчас можно было хорошо различить дома, заборы, плодовые деревья. Вот и дом, на крыше которого сидит вырезанный из дерева петух. Не то чтобы я четко видел его, но силуэт деревянной фигурки хорошо смотрелся в предвечернем небе.

«Еще полчаса и окончательно стемнеет».

Остановился я не просто так. Мне нужно было понять, есть ли в деревне бандиты. Звуки здесь в степи, как я уже понял, далеко слышны, поэтому если идет там пьянка-гулянка, то до меня бы уже донеслись ее отзвуки. Выждав десять минут, я двинулся вперед. Вдруг неожиданно зафыркал конь. Я посмотрел на него. Что-то чувствует, а что именно – мне не понять. Увидел почерневшую корягу, торчащую из земли, слез с лошади и привязал к ней животное. Проверил оружие. С собой у меня было два нагана-самовзвода, порядка двадцати патронов россыпью в кармане и штык-нож. Не успел я приблизиться к забору, как во дворе басовито и зло тьякнула собака.

«Большая. А Сенька мне про нее ничего не сказал. Это проблема».

Отойдя на десяток метров назад, пошел вдоль забора, подальше от собаки, высматривая место, где бы мог перелезть. Дойдя до задней стороны дома, остановился, а потом резко бросился вперед, оттолкнулся, схватился пальцами, подтянулся и одним движением бросил тело вниз. Не успел вскочить на ноги и выхватить из-за голенища нож, как из-за угла дома выскочила большая лохматая собака, рванувшаяся в мою сторону. Ее прыжок совпал с моим рывком в сторону, затем последовал резкий взмах руки, и тяжелый штык-нож вошел в шею пса. Пес захрипел, задергался в предсмертной судороге, скребя лапами по земле. Вслушавшись, я сразу уловил тяжелый бег и хриплое дыхание большого, грузного мужчины. Выхватив револьвер, быстро пошел ему навстречу. Мы почти столкнулись, когда здоровяк вылетел на меня из-за угла. Я видел, как его глаза широко распахнулись от удивления, но в этот самый миг рукоять моего револьвера с силой врезалась ему в висок. Послышался хруст костей, мужчину шатнуло вбок, и он медленно стал заваливаться на землю. Мне не хотелось его убивать, но из-за нового тела, доставшегося мне сутки назад, не получилось соразмерить удар.

– Опанас, дурья твоя башка! – неожиданно раздалось откуда-то из-за дома. – Чего ты мечешься по двору, как безголовая курица?!

Я услышал новые шаги.

«Судя по властному голосу, хозяин».

Выйдя из-за угла, я негромко сказал:

– Привет, дядя. Револьвер не купишь?

Хозяин дома оторопел и, наверно, с десяток секунд тупо смотрел на меня и только потом спросил:

– Ты кто?

– Конь в пальто, – ответил я штампом двадцать первого века. – Мне люди сказали, что ты все покупаешь. Или врут?

– Я... Не, я ничего не покупаю. Ошиблись люди.

Скупщик был под стать своему охраннику, крупный мужчина, но жира сейчас в нем было столько же, сколько и мяса. Седой волос уже накрыл виски и часть бороды. На вид мужчина дородный, благообразный, а глаза цепкие, злые и хитрые. Такими большевики изображали фабрикантов или купцов в газетах и плакатах.

– Пусть так. Кто еще дома?

– Никого.

– А жена?

– Уехала днем к сестре.

– Когда будет?

– Завтра к вечеру обещала.

Барыга уже пришел в себя, поэтому я решил его снова удивить.

– Мне Мельник сказал, что атаман скоро поезд брать будет.

– Мельник? Тебе? А ты кто? – в его глазах снова появилось недоумение. Что за птица такая в его двор залетела?

Вместо ответа я схватил его за плечо и развернул лицом к стене:

– Руки вверх поднял и оперся ими на стену. Вот так. Теперь ноги развел в стороны.

Когда он застыл в неудобной позе, внимательно его обыскал, но кроме небольшого ножа, острого как бритва, за голенищем сапога, ничего не обнаружил.

– Пошли в дом. Поговорить надо.

Войдя в дом, мы сели за стол. Несмотря на мои доводы, хозяин дома вбил себе в голову, что я грабитель, а про лошадей и оружие рассказываю для того, чтобы вызнать про его тайники. Почему не постучал в ворота, почему убил его собаку и охранника, на что я ему отвечал: беру вино на себя, а поэтому отдам лошадей и оружие за половину цены. Даже за треть. Когда мне надоело слушать его наглое вранье, я решил его немного припугнуть, вот только на лице хозяина неожиданно появилось непонятное мне, но при этом хитро-злое выражение.

«Что-то задумал, ублюдок».

– Я все отдам, только жизнь оставьте! Не убивайте! Христом Богом молю! – тут хозяин дома неожиданно сполз со скамьи, встав на колени. – Жить хочу! Все отдам! Все!

При этом он как-то напрягся. Мне даже почудился на его кривящихся губах оскал старой опытной крысы, которая выбирает момент, чтобы броситься на тебя. Интуиция подала сигнал тревоги.

– Встал! Живо! – и я выразительно качнул стволом револьвера.

Мирон несколько секунд колебался, не зная на что решиться, но все же медленно, поднялся на ноги. Засунув револьвер за пояс, я шагнул к нему, специально провоцируя его на действия. Скупщик, посчитав, что у него появился шанс, бросился на меня и налетел на элементарный прием. Когда его туша с грохотом рухнула на пол, я присел и заглянул под стол.

«Так я и думал».

Под столешницей на мягких кожаных петлях висел обрез двустволки. Вытащив обрез, положил его на стол, затем повернулся и посмотрел на Мирона, который только начал приходить в себя. Со стоном приподнялся, оперся на локоть, с дикой злобой посмотрел на меня.

– Долго лежать собираешься?

– Ты... мертвец! Атаман за меня с тебя живого шкуру сдерет! На ломтики порежет!

У меня просто не было времени на долгие разговоры, поэтому пришлось сразу приступить к делу, а спустя какое-то время, захлебываясь соплями и слезами, глотая слова, он рассказал мне все, что я хотел знать. Для проверки его слов я вскрыл три тайника, как в доме, так и во дворе. Доставать ничего не стал, просто убедился, что они там, где он указал. Вот только золота там не было.

– Где золото?

Несмотря на страх, в глазах бандитского скупщика мелькнула бешеная, неуправляемая ненависть. Сейчас он, наверно, продал бы свою душу дьяволу, чтобы иметь возможность убить меня.

– Ничего не скажу. Мучай меня, пытай, сволочь, все одно не...

Вот только слово он свое не сдержал, а еще спустя пятнадцать минут я вскрыл последний тайник в подполе, где в узелке лежали царские монеты, а также драгоценные изделия из золота. Стоило мне все это богатство выложить на стол, как Мирон вдруг по-детски заныл, не отрывая взгляда от горки золота:

– Мое. Это мое. Не отдам. Мое.

Я посчитал, что на этом общение с хозяином можно закончить. Мертвецов, вместе с собакой, оттащил в сарай, в котором находился один из тайников. Оружие для бандитов. Длинный и широкий ящик, битком набитый винтовками и револьверами, лежал в яме, завернутый в двойной слой брезента, присыпанный землей. Постоял несколько минут во дворе, уже в полной темноте, пропуская через себя различные звуки. Людей в деревне вообще не было слышно,

только где-то лениво тявкала собака. Приоткрыл ворота, после чего вышел, нашел лошадь и отправился в обратный путь.

От скупщика мне стало известно, что бандиты не собираются появляться здесь в ближайшие несколько дней, так как готовятся к нападению на поезд, поэтому мы с бароном решили переночевать в доме Мирона. После того как схлынул адреналин, на меня навалилась такая усталость, что мне пришлось попросить барона о дежурстве на первую половину ночи. Парень, зайдя во двор и никого из хозяев дома не увидев, все понял и теперь сидел на лавке, съезжившись, только изредка бросал на нас испуганные взгляды.

– Поручик, есть будешь?

– Нет.

Уснул я раньше, чем щека коснулась подушки, а проснулся от чувства присутствия чужого человека. Тело напряглось, а рука автоматически скользнула под подушку, выхватывая револьвер.

– Кто тут? – спросил я, нащупав глазами в сумерках стоящую в шаге от меня фигуру человека.

– Тихо, поручик. Тихо, – раздался голос барона. – Вы словно, как зверь. Весьма впечатлен.

– Сколько сейчас времени?

– Думаю, через час рассветет. Нам пора собираться и ехать.

– Почему не разбудили?

– Две ночи без сна – это много для человека, а я свое досплю по дороге. Привычка, знаете ли, у меня такая есть, даже сидя на лошади, могу хорошо выспаться. Вставайте!

Штаб-ротмистр все это время, пока мы с парнишкой готовили завтрак, занимался лошадьми. Накрыв на стол, я позвал барона. Завтракали мы по-царски. Колбаса, горячая вареная картошка, свежий хлеб, зелень. Сенька сидел за столом, не поднимая глаз, вялый и хмурый. Жевал он нехотя, зато нас с бароном уговаривать не надо было, уплетали за обе щеки. После завтрака я нашел объемистый дорожный баул и небольшой саквояж, после чего быстро пробежался по тайникам мертвеца. Брал то, что считал пригодится, как в дороге, так и в дальнейшей жизни. Барон зашел в избу в тот самый момент, когда я укладывал в саквояж ценные вещи, драгоценности и золото. Я повернулся к нему:

– Половина – ваша.

Мне было интересно, как он отреагирует на мое предложение.

– Кто вы? – вдруг неожиданно спросил он меня.

– Человек, как и вы. И еще, как говорили древние: многие знания – многие печали.

– Надеюсь, что ваша фраза не прозвучала как угроза.

– Что вы, барон. Даже в мыслях не было. Ведь вы мой проводник в этом, пока непонятном для меня, мире.

– Проводник. Хм. Надеюсь, что я не введу в наш мир посланца дьявола. Очень не хотелось бы, знаете ли... – фон Клюге несколько секунд задумчиво смотрел на меня, потом добавил: – Впрочем, об этом мы можем поговорить в другой раз, а сейчас нам надо ехать.

Перед отъездом мы уже в который раз за последние двое суток переоделись. Среди всего прочего, найденного в тайниках скупщика, оказалось несколько офицерских мундиров. Один из них пришелся впору барону. Перетянутый крест-накрест кожаной португеей, с желтой кобурой на ремне, он даже сейчас выглядел настоящим офицером, несмотря на грубые сапоги и солдатскую фуражку. Я же сменил исподнее, рубашку и пиджак, оставив солдатские галифе и сапоги. На вопрос, что мы будем делать с лошадьми, а также оружием и вещами, найденными в тайниках, барон только равнодушно пожал плечами. Что хотите, читалось в его жесте. Единственное, что я захватил из объемных вещей, так это несколько рулонов ткани. Мне подумалось, что это будет неплохой товар для обмена.

Совсем поникший духом Сенька сказал, что до железнодорожной станции от дома Мирона мы должны доехать к вечеру. На этот раз мы запаслись водой, взяв из хозяйства барыги три здоровенных бидона и наполнив их водой, так что отвлекаться и искать источники воды у нас нужды не будет. Ехали мы не спеша, бок о бок, поэтому у меня выдалась хорошая возможность спокойно поговорить с бароном о том, что сейчас происходит в России. Мне было уже известно из разговоров офицеров об окончании Первой мировой войны, о позорном Брестском мире, но только сейчас выяснилось, что я нахожусь на другой Земле, так как последний правитель России Николай II уже полгода находился в эмиграции, причем не в Англии, а в Швеции. Сразу вслед за ним, отказавшись в свою очередь от престола, эмигрировал в Англию его младший брат Михаил Романов. Всероссийское учредительное собрание, собранное на основе многочисленных партий и их зачастую противоположных требований, весьма походило на рыбу, которая судорожно дергается на разделочной доске, перед тем как ее начнут потрошить. Так образно и зло охарактеризовал действия нового правительственного органа фон Клюге. Только вот что случилось потом, как сказал штаб-ротмистр, мало кто понимает, в том числе и сами политики. Буквально за два месяца большевики набрали большую силу, присоединив к себе меньшевиков, либералов и эсеров. В это самое время среди офицеров в армии начались брожения. Часть из них, поддерживающая монархию, при этом потеряв реальных кандидатов на престол, организует Офицерский союз, который берет курс на военную диктатуру. Позже к ним присоединяется еще часть офицеров, которые стояли за Учредительное собрание, но, в конце концов, поняли, что оно нежизнеспособно и существует только на бумаге. Тем временем власть большевиков все больше расширяется, начинаются стачки и выступления, появляются различные советы и комитеты, формируются рабочие дружины. Солдаты, по большей части бывшие крестьяне, больше всего интересуются, что будет с землей, они колеблются, но часть из них, поддавшись большевистской агитации, стали формироваться в красные отряды, после чего начались стычки между ними и офицерскими отрядами. Большевики, не теряя времени, формируют свое правительство в Санкт-Петербурге. В отличие от средней полосы России, а также крупных промышленных городов, южная часть России не пошла за большевиками, а осталась за Офицерским союзом. К тщательно собираемой Добровольческой армии только частично присоединились казаки, так как большая их часть не хотела воевать за чьи-то интересы. В то же время в Ростове был организован Промышленный комитет во главе с Ватрушевым, промышленником и банкиром, входившим в первую десятку богатейших людей России. Первым делом комитет ввел лицензии для тех, кто пожелал заняться поставками для Добровольческой армии. Стоили они баснословно дорого, но все торговые люди прекрасно знали, что они окупятся сторицей.

– Значит, у нас тут война Севера и Юга, только русский вариант, – подвел я итог полученной мною информации.

– Не понял, – недоуменно он уставился на меня, но тут же его лицо посветлело. – А! Вы имели в виду войну в Америке! Хм. Можно сказать, что определенное сходство есть.

– Значит, собираетесь выжечь каленым железом большевистскую ересь во всей России. А дальше что? Препней жизни не вернуть. Много, очень много придется менять. И в политике, и в отношении с народом, а главное в своей голове, в своем сознании.

– Значит, будем менять, – эти слова прозвучали у барона зло и жестко.

Щелкнул крышкой часов. Без пятнадцати четыре. Опустив часы в карман, в который раз посмотрел вперед и сразу заметил какой-то отблеск.

– Барон, посмотрите в бинокль.

Тот, припав к окулярам, подтвердил мое предположение. Железнодорожная станция.

С десятков двух-трехэтажных домов, водонапорная башня и золотящиеся на солнце купола двух церквей говорили о том, что мы прибыли к поставленной нами цели. Барон еще пару минут всматривался в смутные на большом расстоянии силуэты зданий, потом сказал:

– Ждите меня, поручик. Поеду. Может, знакомых или сослуживцев найду.

Сняв ремень с кобуры, он вытащил револьвер, затем соскочил с тачанки, засунул оружие за пояс под мундир, после чего ловко вскочил в седло и погнал лошадь. Несколько минут я задумчиво смотрел ему вслед, пока меня не отвлек голос парнишки:

– Дяденька, отпустите меня. Вы уже пришли, я вам больше не нужен.

– Нужен. Еще как нужен. Есть хочешь?

– Ну, зачем я вам?! Сядете в поезд...

– Который потом бандиты остановят, а затем поставят нас к стенке. Ты первый на нас пальцем покажешь.

– Тогда убейте! Извелся я вконец! – чуть ли не в истерике выкрикнул парень.

– Сделаешь для нас еще одно дело и домой к мамке! Обещаю! – я постарался придать как можно больше искренности своему голосу.

– Какое дело? – спросил он недоверчиво.

– Об этом еще пока рано говорить. Впрочем, вполне возможно, что мы оставим тебя прямо на станции.

Дело в том, что у меня появились кое-какие догадки по поводу бандитского налета на поезд, частично подтвержденные скупщиком. Чтобы они окончательно подтвердились, был нужен Сенька. Пока барона не было, я произвел полную ревизию тем вещам, что прихватил из тайников бандитского барыги. Здесь было полтора десятка часов (половина из них золотые, остальные серебряные), наборы иголок, нитки. Для себя и барона взял кое-какие туалетные принадлежности, в том числе несколько флаконов одеколона и туалетного мыла парфюмерной фирмы «Брокеръ». Среди множества разных вещей, которые были абсолютно не нужны деревенскому Плюшкину, я нашел несколько бутылок казенной водки и коньяка компании «Н. Шустовъ и сыновья». Даже я в свое время где-то читал, что эта фирма выпускала весьма качественный продукт, что сделало ее поставщиком Двора его императорского величества. Немало порадовал меня американский кольт М1911 вместе с немецким парабеллумом М.1908. Если парабеллум до этого момента мне был знаком только по картинкам, то с американцем я был неплохо лично знаком.

«Интересно, как ты в эту глубинку попал?»

Перебирая вещи, я не заметил, как прошло время. Когда спустя два часа со стороны станции показался отряд всадников, я развернул одну из тачанок, сел за пулемет, а парнишку пристроил рядом, на подачу ленты. Судя по тому, что всадники ехали спокойно, не торопясь, я решил, что ситуация под контролем. Когда они приблизились, то можно было видеть, как барон оживленно разговаривает с ехавшим рядом с ним офицером.

За ними следом ехали шесть солдат в серой, довольно странной для меня форме.

– Поручик! – приподнявшись в седле, закричал барон. – Все хорошо!

Я выпрямился и обежал маленький отряд настороженным взглядом. Напряжения ни в солдатах, ни в офицере не чувствовалось. Да и барон ехал сюда явно не под принуждением. Всадники остановились в пяти метрах от тачанки.

– Поручик, разрешите вам представить моего товарища по училищу. Сотник Всеволод Буйницкий.

Поднявшись во весь рост, я представился:

– Честь имею, господин сотник. Поручик Беклемишев Вадим Андреевич.

– Честь имею, поручик, – гетмановский офицер тронул коня и остановился рядом с тачанкой. – Мне барон немного о вас рассказал. Тяжелые испытания выпали на вашу долю, поручик. Будем надеяться, что на этом ваши злоключения закончились.

Он протянул мне руку, я пожал ее. Неожиданно его лицо преобразилось, стало строгим и официальным.

– Господа, скажу сразу, мы реквизируем все оружие, лошадей и тачанки. Вам оставим только личное оружие и вещи. Не обессудьте! Что с мальчишкой? – он кивнул на Сеньку.

– Он поедет с нами, господин сотник, – несколько сухо ответил я, несколько задетый официальным тоном и неожиданной конфискацией.

– Дело ваше, – усмехнулся сотник, понявший мою реакцию на свое требование.

Станция оказалась довольно большой и, как мы поняли из короткого рассказа сотника, в прежнее время являлась перевалочной базой для зерна, которое сюда свозилось из ближайших районов. Два мукомольных заводика, маслодельня, несколько пекарен. При станции находились большие железнодорожные мастерские. Сейчас торговля нарушена, часть предприятий стоят, а остальные на ладан дышат. Поезда еще ходят, только не понятно по какому расписанию. Треть населения небольшого городка растворилась на просторах России, разъехавшись в поисках лучшей доли.

Мы ехали по центральной улице, где каждый второй магазин был закрыт и лица людей, которых мы встречали, были по большей части хмуры. Люди были одеты по-разному: рубаха с вышивкой и солдатская гимнастерка соседствовали с английским френчем и костюмом-тройкой. Добравшись до места жительства, которое нам посоветовал сотник, мы познакомились с хозяйкой, вдовой городского, убитого полгода тому назад, во время волнений в городке. Двое солдат помогли мне донести вещи до квартиры. Барон и сотник с легкой усмешкой смотрели, как я, с солдатами, перенес свои вещи в комнату, которую нам выделила хозяйка.

– Отдыхайте, господа. После таких испытаний...

– Погоди, Сева, – остановил его барон. – Сегодня вечером ждем тебя и твоих друзей у себя в гостях, если, конечно, наша хозяйка позволит. Не принимаю никаких извинений.

– Сам хотел напроситься в гости. Уж больно необычна история ваших приключений. Часов в девять устроит?

– Авдотья Фоминишна, можно будет у вас посидеть? – обратился барон к нашей домохозяйке, женщине с круглым лицом и живыми, хитрыми глазами.

– Конечно, господа. Милости просим. Вот только как быть с продуктами?

– Не волнуйтесь, Авдотья Фоминишна. У нас кое-что с собой есть, а если еще что надо, на базар или в магазин схожу, – заверил я хозяйку.

Глава 3

После сумасшедших дней, когда почти все время приходилось бегать и стрелять, спасая свою жизнь, неожиданно наступил период затишья. До назначенной встречи оставалось около полутора часов, из кухни тянуло чем-то вкусным. Сглотнув набежавшую слюну, я прилег на застланную кровать, немного покрутился и... неожиданно расслабился, словно сжатую внутри меня тугую пружину разом отпустили.

Почти сразу пришел вопрос, который я до сих пор гнал от себя:

– Как так получилось, что я получил новую жизнь?

Некоторое время я пытался ответить сам себе на этот вопрос, но скоро понял, что мои мысленные изыскания не что иное, как гадание на кофейной гуще. В этот момент в комнату вошел фон Клюге и спросил:

– О чем задумались, поручик?

– Так, ни о чем.

Барон зевнул, сладко потянулся и сказал:

– Посплю, пока есть время. Вы не против, поручик?

– Отдыхайте, барон. Мне есть чем заняться.

Он многозначительно посмотрел на мешок и саквояж, после чего ехидно улыбнулся, затем снял сапоги, лег и сразу заснул. Сенька, как сразу сел, так и продолжал сидеть на стуле, глядя на меня тоскливыми глазами.

– Есть хочешь?

Тот не ответил, только помотал головой. Несмотря на издевки и саркастические улыбки барона, я как раз и собирался заняться инвентаризацией своих вещей, но перед этим мне нужно было сделать одно важное для себя дело. Пройдя в прихожую, я встал перед чуть потускневшим зеркалом в облезлой лакированной раме, висевшим на стене. Минут пятнадцать изучал лицо, которое хотя и носило следы побоев, но при этом было вполне симпатичным, потом снял рубаху, чтобы глянуть на тело, но поморщился от запаха своего нового тела, снова накиннул рубашку и подошел к хозяйке, которая была на кухне.

– Как тут у вас насчет бани?

– Есть баня. Есть. Кстати, тут она недалеко, в Елизаветинском переулке.

– Отлично. Завтра мы ее прямо с утра обязательно навестим.

– Вадим Андреевич, вы там говорили насчет продуктов. Так как с ними?

– Я уже и забыл. Погодите, я сейчас принесу, и мы определимся с тем, что поставим на стол.

Принеся мешок, я стал выкладывать из него продукты, которые взял у Мирона. Хозяйка только глаза раскрывала все шире и шире, по мере того как я выкладывал всё на стол.

– О, боже! Окорок! Колбаса! У нас все стало так дорого, что теперь я могу только смотреть на них, не имея возможности купить! Представляете, медальный самовар, который мой покойный супруг получил за хорошую службу... – тут у вдовы сморщилось лицо и покатились слезинка, которую она вытерла рукой. – Извините, ради бога. Так вот, намедни обменяла его на сало и муку. Как дальше жить буду, просто не представляю.

Тем временем я достал из мешка несколько коробок с папиросами и пару пачек табака.

– Это можно продать или обменять?

– Конечно. Конечно! – скорбь с лица вдовы мигом исчезла, судя по всему, сейчас она просчитывала комбинации с обменом. – Вы сами пойдете?

– Нет. Если вам нетрудно...

– Нет. Совсем нетрудно. Я знаю человека...

– Погодите, это еще не все. Что вы скажете насчет этих трех рулонов ткани?

– Вы их тоже хотите продать? – с явным волнением в голосе спросила хозяйка.

– Да. Что за них можно получить?

– Много чего. Хм. Может, какое-то желание особое у вас есть? – у хозяйки на лице появилось льстиво-приторное выражение.

– Там посмотрим. Что с нашим столом будем делать?

Хозяйка на какое-то время задумалась, потом сказала:

– Хотя время уже позднее, но курицу достану. Огурцы, зелень. Можно... еще жареной картошечки на сале приготовить, с лучком. Еще ваш окорок, колбаса. Стол, я вам скажу, очень даже неплохой получится по нынешним временам.

Когда хозяйка ушла, я задумался. В эту жизнь я еще не вписался, так как нет более четкой и развернутой информации, но в целом неплохо получилось. Денег нет, зато есть вещи для обмена, так что с едой у нас проблем не будет. Вон хозяйка сказала, что сейчас особо ценятся у крестьян швейные иголки и шпульки ниток, а из бакалеи – сахар и чай. То и другое у меня было.

«Теперь эта девушка. Таня. Беклемишев бросил ее в Москве, а потом хотел к ней вернуться. Не она ли нужная мне цель? Найти, спасти. Что в ней такого особенного? Если дело обстоит так, то мне сейчас нужен поезд на Москву. Опять неопределенность. Ну как можно решать задачу, не имея исходных данных?»

За этими размышлениями прошло время, а в половину девятого вечера я разбудил барона.

– Как насчет баньки, господин штаб-ротмистр?

– Прямо сейчас?

– Завтра.

– Полностью поддерживаю вашу мысль. Так что, гуляем сегодня?

– Наверно, я буду несколько странно выглядеть на этом вечере, барон.

– Согласен, но офицеры не поймут вашего отсутствия, – он объяснял мне это так, словно я пятилетний ребенок. – Не волнуйтесь, все объясним провалами памяти после побоев и издевательств над вами красного быдла, тем более что наши лица тому живое подтверждение. Как со столом?

– У нас есть водка, колбаса и половина окорока. Остальное приготовит хозяйка. Я договорился.

– Отлично.

Офицеры пришли втроем. На них была серая форма, покроем которой мне еще при встрече с сотником показался необычным. Впрочем, мы еще тогда выяснили, чтобы отдать дань украинским традициям, верхняя часть офицерской формы шилась, как жупан, а из-за мышинного цвета формы их дивизию неофициально называли серожупанной. В самом начале вечера знакомство происходило чинно, по всем правилам хорошего тона. Приятель фон Клюге, сотник Всеволод Буйницкий представил своего заместителя, значкового Владимира Козицкого и сотника Сергея Казимировича Мирского. Я сразу про себя отметил, что лица двух офицеров-кавалеристов были загорелые и обветренные, движения резкие, голоса громкие, а у Мирского, очевидно, штабника, было незагорелое лицо человека, проводящего свое время за письменным столом. Вот только взгляд у него был слишком цепкий, внимательный и настороженный для штабной крысы, да и не пригласили бы его с собой просто так эти рубаки.

«Разведка или контрразведка. Впрочем, ты-то мне и нужен».

Господа офицеры принесли с собой две бутылки коньяка подозрительного разлива, а когда мы выставили казенную водку, явно обрадовались, как и домашней колбасе с окороком.

– Господа, где тот магазин с такими деликатесами?! – воскликнул значковый Владимир Козицкий. – Отменный окорок, право слово! Уже не помню, когда такой и ел! Помню, отмечали мы в ресторане...

– Погоди, Владимир! Нам больше другое интересно: как эти два героя, не побоюсь этого слова, господа, бежали от красных, при этом покروшив целый отряд чекистов! Вадим Андреевич, Михаил Генрихович, мы хотим услышать от вас рассказ!

– Да, господа! Поведайте нам о вашем рейде по тылам красных! – сразу подхватил Козицкий, который судя по всему, был, как пишут в книгах, добрым гулякой, бабником и отменным рубакой. – Только давайте сначала, господа, выпьем! У меня тост! Выпьем за нашу молодость, за девушек, которых мы любили, за наши разгульные пьянки! Выпьем за то, что безвозвратно ушло и больше уже никогда не вернется!

Некоторое время за столом было молчание. Все дружно закусывали. Но стоило сотнику Буйницкому открыть рот, как его снова перебил значковый:

– Всеволод, погоди! Дай нам как следует настроиться! Всем налить водки! У меня тост!

Его слова все встретили дружным смехом. Было видно, что этого офицера здесь любили.

– Господа! – Козицкий поднял стопку. – Давайте выпьем за нашего гетмана! Именно он сплотил нас для святой борьбы с красной гольтьбой, когда у многих просто опустились руки! За гетмана, господа офицеры!

– За гетмана!

– Смерть красным ублюдкам!

Потом барон кратко рассказал о жизни в захваченной большевиками Москве. Офицеры забросали его вопросами. Как я понял, у них у всех в Москве кто-то остался из друзей, родных или соратников. Я молча сидел и с удивлением наблюдал искренние чувства, проявляемые офицерами. Не успел барон закончить говорить, как хозяйка принесла горячее: жареную картошку с курицей. Козицкий душевно поблагодарил хозяйку, а когда она вышла, демонстративно потянул носом:

– Просто божественный аромат! Господа, нам просто необходимо выпить! Вадим Андреевич! Что вы все время молчите? Скажите тост!

– За нашу удачу, господа! Пусть эта капризная госпожа никогда нас не оставляет!

Затем снова начал рассказывать фон Клюге, давая мне изредка вставлять и дополнять его рассказ. Гости бросали на меня сочувственные взгляды в тех местах повествования барона, где он мельком упоминал о моей частичной потере памяти. Пришлось отвечать на уточняющие вопросы Мирского. Временами наши гости выходили покурить компанией. Я выбрал момент, когда Мирский вышел один, и присоединился к нему. Тот, похоже, не удивился моей компании, скользнул по мне взглядом, затем медленно раскурил папиросу и стал ждать, что я ему скажу.

– Сергей Казимирович, у вас что, такая отличная память, надеетесь все запомнить? – спросил я сотника.

– Вы это к чему, Вадим Андреевич? – хитро усмехнувшись, спросил контрразведчик.

– Если остальные офицеры интересовались и сопереживали нашим приключениям, то вас интересовали только точные сведения. Названия сел, фамилии, численность возможного противника и тому подобное. Контрразведка?

– Контрразведка, – спокойно подтвердил сотник. – Естественно, заинтересовался вами обоими, после того как Буйницкий рассказал о вашей встрече. Ваши рассказы отчасти можно соотнести к сведениям разведчиков, посланных в тыл противника.

– У меня есть к вам одно дело, – сказал я и с удовольствием увидел, как в глазах сотника проступило удивление, а после изложенного мною плана действий во взгляде его проявилось нечто похожее на уважение.

– Не ожидал от вас, поручик, подобного предложения. Даже как-то странно, при частичной потере памяти... Впрочем, это ваше личное дело. То, что вы предложили – чрезвычайно нам интересно. Этот так называемый атаман у нас давно поперек горла стоит. Да что тут говорить. Значит, этот паренек и есть сын того самого Мельника, правой руки Грушницкого, – последний раз затянувшись, сотник затушил папиросу в пепельнице. – Вот только ваш план никак нельзя осуществить. Та станция, про которую вы мне сказали, скажем так... вне нашей ответственности. Сорок верст не такое большое расстояние для полуэскадрона, но подобные военные действия надо согласовать с начальством, которое вряд ли даст свое согласие. Ведь в банде, по нашим данным, от шестидесяти до восьмидесяти сабель, да еще с десятков тачанок. Это уже на настоящий бой потянет. А если это ловушка? К тому же вы сами толком ничего не знаете, это только ваши предположения. Да и кто вы сами такой?

Мирский как бы с усмешкой, но в то же время цепко и жестко посмотрел на меня.

– Да еще если к вашим подозрениям прибавить мою временную потерю памяти, – усмехнулся теперь я, – то очень подозрительный тип получается. Просто вылитый агент большевиков.

– Видите, вы сами признаете, что подозрительны, но вы у нас проездом, а значит, мне не интересны. Если что за вами и есть, то пусть с вами в Ростове добровольцы разбираются, – контрразведчик помолчал какое-то время, раздумывая, потом продолжил говорить: – Вот только ваш план по уничтожению банды мне действительно интересен. Да и то, что этот парнишка сын Мельника, все меняет. С вашего разрешения я заберу его прямо сейчас с собой. Мне есть о чем с ним поговорить, а заодно проверю ваши показания.

– Забирайте, господин сотник.

Мы с ним вернулись к столу, но уже спустя десять минут Мирский, сославшись на службу, ушел, забрав с собой парнишку. После ухода контрразведчика разговор пошел живее и откровеннее. Так я узнал, что отряд в двести штыков и полуэскадрон в шестьдесят всадников являлись не столько воинской силой, сколько напоминанием, что у власти на Украине стоит гетман Скоропадский. Воинского отряда только и хватало на охрану станции, которая являлась важным узловым пунктом. Усиленные конные разъезды далее десяти верст в глубину степи не заглядывали. Кроме крупной банды атамана Грушницкого в здешних местах были еще две банды рангом помельче, в пятнадцать-двадцать клинков. Кроме бандитов в этих краях болтался еще бронепоезд анархистов, состоявший из бронеплощадки и теплушки. Приедут на какую-нибудь станцию, выстрелят из пушки, дадут пару очередей из пулеметов, после чего требуют дань, иначе всех покروشат в винегрет. Зверствами не отличались, но если кто-то пытался встать у них на пути – убивали. Короче, станция представляла собой своеобразный форпост власти гетмана, так как полностью распространить свою власть на всю территорию Украины у Скоропадского просто не хватало сил. Если бы не немцы, он бы и месяца не продержался. Офицеры это признавали, при этом сетуя, что набор в армию идет из рук вон плохо. В бандиты люди идут, а к гетману – чуть ли не силком тащат.

К двенадцати часам ночи гости, попрощавшись, ушли. Барон сразу лег спать, а я, несмотря на выпитый алкоголь, чувствовал себя довольно бодро. Пришло время проанализировать полученную информацию. Уже по одному факту можно было понять, что я провалился не только во времени, но и в пространстве: Николай II с семейством после отречения и провозглашения Временного правительства благополучно отбыл в Швецию. А вот дальше произошло то, о чем до сих пор пишут в учебниках истории в моем мире.

Правительство недолго продержалось в Петрограде. Большевики подняли бунт, и Керенский был вынужден бежать. Кровавое пламя мятежа стало быстро разгораться, захватив центральную часть России. Польша отделилась. На Украине хозяйничали немцы. Именно они поддерживали гетмана Скоропадского. Казачество заняло нейтральную позицию, пытаясь

сформировать свое правительство и требования, но пока выходило у них это плохо, так как разногласия были не только среди простых казаков, но и среди старшин.

Вся моя прошлая жизнь состояла из получения приказа и его выполнения. Постепенно приказы становились сложнее и ответственнее, но тем больше удовлетворения я получал от их выполнения. Все было в моей жизни. Прошел через десяток войн в разных точках планеты. Сейчас у меня тоже был приказ, который мне надо было выполнить, после чего заслужу право жить своей жизнью. Отчего я так решил? Я ничего не решал, а просто знал. Осознание этого факта пришло вместе с новой жизнью. Вот только мое новое задание не имело четких указаний, как и основной цели. Почему? Этому я тоже не знал.

«Значит, ты должен самоопределился, найти те факторы – вешки, которые определяют твой путь. Одна – ты белый офицер. Вторая – девушка Таня, возлюбленная Беклемишева. Задача: поиск девушки? Где ее искать, если я даже не знаю, как она выглядит? Россия – страна большая, да и сама Таня могла уже выехать в любую сторону. Фактов нет – одни только предположения. Нет, это не дело. Надо спать».

С самого утра мы с бароном отправились в баню, а после нее в парикмахерскую, после чего разделились. Он отправился к своему приятелю, а я решил, наконец, заняться хозяйственными делами. Расспросив хозяйку о том, где можно купить одежду, отправился смотреть новый для меня мир, ведь за то время, что здесь пробыл, мой культурный досуг составляли перестрелки со всякого рода бандитами, изучение тактико-технических характеристик раритетного оружия и экскурсии по степи. Теперь мне хотелось восполнить этот пробел. Я бродил по поселку, разглядывая людей, читая вывески и приказы, наклеенные на афишных тумбах. Привлекло меня наклеенное на тумбу обращение гетмана Скоропадского: «Грамота до Всього Українського Народу». На некоторое время задержался, изучая, но не найдя для себя ничего интересного, пошел дальше.

Мне были непревычны широкие и длинные до щиколоток юбки женщин, картузы и сапоги у большинства мужчин, идущих по улице. Разбавляли однородную толпу гетманские патрули, солдаты-фронтовики и крестьяне в домотканой одежде. Вывески магазинов обещали колониальные, бакалейные и гастрономические товары, вот только половина из них была закрыта. Прошел мимо заколоченного досками крест-накрест небольшого кавказского ресторана, который когда-то предлагал отведать настоящий грузинский шашлык и запивать его лучшими кахетинскими винами. К моему удивлению, работал винный магазин, на вывеске которого помимо бессарабских, кавказских и крымских вин предлагали чай, сахар и кофе. Зашел ради интереса, спросил, какая цена на чай, на что продавец скривился и сказал:

– Извините, господин хороший, но поставок ни чая, ни кофе у нас уже три месяца как нет. Сейчас мы просто распродаем то, что осталось от запасов вина, а потом будем закрываться. Могу посоветовать вам хорошее столовое вино...

– Спасибо. Не надо.

Вышел, пошел дальше. Через два дома был ювелирный магазин, так он не просто был закрыт, а заколочен намертво, так же как магазин белья и женской одежды. Неожиданно потянуло вкусным и ароматным запахом свежее испеченного хлеба. Сквозь витрину было видно, как продавец выкладывает булки. В отличие от винного магазина, здесь были покупатели. Из случайного разговора узнал, что в городке сейчас работают только две из пяти пекарни, которые функционировали раньше. Уже подходя к вокзальной площади, я увидел работающее кафе, к тому же из слов Буйницкого вчера вечером я сделал вывод, что здесь еще работает как минимум один ресторан. Пройдя площадь, свернул к скверу. За ним, как мне сказали, располагался стихийный рынок, где продавали и меняли все, что имело хоть какую-то цену. Не доходя до него, увидел пивную. Сколоченный из досок павильончик с лаконичной вывеской «Пиво. Раки». За врытыми в землю столиками толпился народ, чему я не удивился, так как от хозяйки

знал, что сегодня воскресенье. Проходя мимо, видел, как посетители поглощали пиво, закусывали таранью и раками. Впрочем, насколько я успел заметить, здесь не только пили пиво, но и самогон. Дойдя до рынка, огляделся и понял, что тот состоит из двух частей. На одной половине стояло десятка три крестьянских телег, нагруженных дарами земли. Здесь было шумно, пахло сеном и навозом. С бричек степенные и практичные крестьяне торговали салом, птицей и мукой. Их окружали горожане – покупатели, которые спорили и торговались с селянами.

– У тебя совесть есть?! – услышал я, проходя мимо крестьянского рынка, громкий и возмущенный голос мужчины в фирменном мундире железнодорожника. – За фунт сала – четверть моего жалованья!

Он стоял рядом с телегой, где горкой лежали куски соленого сала, прикрытые чистым куском беленого полотна. Отходя, успел услышать еще слова крестьянина:

– Зачем мне твои гроши? Ты мне дай швейные иголки...

В метрах тридцати от селянских телег расположилась вторая часть рынка, куда люди волокли все, что когда то украшало их дома. Настенные часы с боем, граммофоны, сервизы, картины. Вот только кому, например, нужны большие настенные часы или фаянсовые фигурки пастушек, которые продавал пожилой мужчина интеллигентного вида? Или вышитые салфетки, которыми торговала женщина с грустным лицом учительницы? Кроме таких продавцов, которых вытолкала сюда крайняя нужда, здесь торговали спекулянты и местные мешочники. У этих можно было найти все, что душа пожелает. От иголок до отреза на платье. От бутылки казенной водки до золотого портсигара. Эти мелкие хищники с усмешкой смотрели на разложенные на земле остатки прежней роскоши местных жителей. Еще я обратил внимание, что у многих покупателей были с собой саквояжи, сумки и даже заплечные мешки, в которых лежали вещи на обмен. Прошелся по рядам, рассматривая ажурные салфетки, льняную праздничную скатерть, фаянсовые статуэтки, серебряную коробку для папирос и табака, различную одежду. Высмотрев продавца, стоявшего на краю импровизированного рынка и торговавшего отрезами на костюм, подошел к нему.

– Что-то интересует? – оббежав меня взглядом, спросил торговец без всякого интереса.

Тут я был с ним полностью согласен. Одежда с чужого плеча и следы побоев на лице говорили сами за себя. Ничего не говоря, я выложил на козлы образцы тканей. Он снова внимательно меня оглядел, затем какое-то время мял ткань и только потом поинтересовался:

– Как много у вас этого есть?

– Три рулона.

– Где взяли, спрашивать не стану. На что хотите менять? – голос спекулянта был делано скучный, но я видел в его глазах жадные огоньки.

– Что можете предложить?

– Значит, вы говорите, что все это у вас в рулонах?

– По-моему, я так и сказал.

– Да, вы так и сказали, но вдруг я не так понял. Хотите карбованцы? Есть немецкие марки. В Ростове они в ходу. Любой банк примет.

– Насчет марок можно подумать, а так мне нужно новое нижнее белье, немного продуктов и золото.

– Золото? Вы посмотрите вокруг! Где в нашем захолустье...

– Мне нужны царские золотые десятки.

Продавец саркастически усмехнулся, открыл рот, но тут что-то привлекло его внимание. Я повернулся. Рядом с рынком ехал конный патруль, во главе которого был значковый Владимир Козицкий, который сейчас смотрел на меня. Несмотря на красные глаза и помятое лицо, глядел он весело и дерзко.

– Вадим Андреевич, рад вас видеть! Как вы себя чувствуете?!

– В отличие от вас, Владимир Михайлович, неплохо. Судя по вашему виду, можно понять, что вы вчера еще догуливали?

– Было дело, – задорно заявил поручик. – Мы с Буйницким посчитали, что вечер без дам... не комильфо, и ступили на тропу греха. Кстати, именно так выражается наш батюшка Никодим, который был не раз замечен в борделе. Как вам сей факт?

– Не удивительно. Где еще искоренять грех, как не в главной его обители.

Значковый весело рассмеялся.

– Как насчет вечера, Вадим Андреевич?

– Обещать не буду, но лично я не против хорошей компании.

– Извините меня, но я, похоже, поторопился, выдав желаемое за действительное, – чуть погрустнел лицом Козицкий. – Совсем забыл. Начальство нас собирает по какому-то поводу. Ох, чувствую, не к добру! Еще того и гляди смотр затеют! Все, мне пора. Рад был вас видеть!

Проводив взглядом Козицкого, я повернулся к продавцу.

– Что скажете?

– Теперь, господин хороший, даже не знаю, что и сказать. Ваше близкое знакомство с господином офицером...

– Разрушило твои жульнические замыслы. Я сразу увидел по твоим вороватым глазам, что кинуть меня хочешь.

– Что же вы меня так сразу в жулики записали? Я, может быть...

– Если мы с тобой сейчас договоримся о нормальной цене, то я, возможно, смогу тебе предложить кое-что еще. Например, это, – и я достал из кармана пачку табака. – Есть еще и папиросы.

– Есть у нас интерес к такому товару, – вроде бы равнодушно произнес продавец, рассматривая упаковку. – «Курительный табак 2-го сорта». Бандеролька не тронута. Хм. Почему хотите предложить?

– Перед тем, как начнем говорить о ценах, – я расстегнул пуговицу пиджака и отвел рукой левую полу. Глазам продавца предстала рукоять М1911, заткнутого за пояс. – Если начнешь крутить, шлепну сразу, и мне за это ничего не будет.

Глаза на лице продавца испуганно округлились, а на лице появилось сомнение: стоит ли связываться с этим непонятным типом? Думал он все же недолго, жадность победила, и мы начали торговаться. Весь торг занял у меня четыре часа времени и закончился походом к местному подпольному ювелиру Моне Либерману, у которого мы произвели окончательный расчет в золоте.

Когда я подошел к дому, голодный как зверь, мечтая о настоящем украинском борще, который обещала сварить хозяйка, то неожиданно увидел рядом с парадным входом топтавшегося солдата. Судя по двум затоптанным окуркам рядом с ним, ждал он меня не менее часа. Впрочем, я ожидал этого, поэтому у меня и сомнений не было, что это посланец сотника Мирского.

– Меня ждешь?

– Здравия желаю, ваше благородие, – вытянулся солдат. – Точно не могу сказать, так как дали мне этот адрес и имя. Вадим Андреевич.

– Это я. Я так понимаю, меня хочет видеть сотник Мирский?

– Да, ваше благородие. Он хочет прийти к вам, к восьми часам вечера. Вас это устроит?

– Вполне.

– Разрешите идти?

– Идите.

Сотник сел за стол, посмотрел на остатки окорока, нарезанную колбасу и налитую в графинчик водку, усмехнулся и сказал:

– Теперь я знаю, в каком магазине вы это покупали, господа.

– Но ведь вкус мяса хуже не стал, господин сотник? – добавив в голос издевки, поинтересовался я.

– Нет, что вы! У меня нет к вам, господа, никаких претензий. Я только рад, что одной словочью на земле меньше стало. Да и пришел я к вам совершенно по другому вопросу.

Сегодня утром я изложил начальству свои соображения, подкрепленные показаниями Сеньки Мельника и вашими, господа. Перед тем как продолжить, мне хотелось бы вас спросить: сколько вы там, у ручья, положили бандитов Грушницкого?

– Пятнадцать-семнадцать. Пятеро ушли, – ответил штаб-ротмистр. – А что, это имеет какое-то значение?

– Четверо ушли, – поправил я его. – А Сенька что, не знает?

– Ему тогда не до счета было, сказал, что голову от страха потерял. А вот полтора десятка трупов этих поганцев – просто хорошо. Даже отлично! Значит, Грушницкий вряд ли соберет в налет более шестидесяти человек. К ним еще можно добавить шесть-семь тачанок с пулеметами. Погодите, господа, сейчас поясню, к чему я этой арифметикой прямо сейчас занялся. Дело в том, господа офицеры, что мое начальство дало добро на уничтожение банды Грушницкого. Да-да! Вот только операция начнется в том случае, если ваше предположение, Вадим Андреевич, подтвердится.

– Похоже, допек вас этот атаман, – усмехнулся барон.

– Слов нет, вот только ругаться не хочу, – кисло усмехнулся сотник.

– Как там Сенька? – поинтересовался я у него.

– Мой помощник пригласил его на допрос большевика, который вел агитацию среди рабочих железнодорожных мастерских, так обоих потом пришлось водой отливать, – увидев наши вопросительные взгляды, пояснил: – Господа! Господа, это не то, что вы подумали. Его и пальцем не тронули. Мой помощник просто хотел его припугнуть, а парнишка возьми и потеряй сознание. Да и не относитесь к нему как подростку, он бандит, и вполне возможно, что на его руках есть людская кровь. Теперь сообщение для вас. Полчаса тому назад по телеграфу передали, что поезд прибудет завтра, в районе двух часов дня. Это все, господа, что я хотел сказать.

– Ну что ж, – сказал барон, – раз деловая часть нашего собрания закончена, перейдем к менее торжественной части – к ужину. Вы как, Сергей Казимирович, относитесь к яичнице с ветчиной?

– Знаете, я очень надеялся, что вы меня не прогоните и покормите, – ответил сотник под наш дружный смех.

Приход поезда собрал на перроне и вдоль путей, рядом со станцией, наверно, половину оставшихся жителей городка. Если раньше через станцию за неделю проходило до двух десятков поездов, то сейчас два проходящих поезда в неделю считали за праздник. Наконец паровоз, объятый паром, заскрежетав тормозами, остановился. Стоило составу, лязгая буферами, остановиться, как сразу вдоль него протянулась редкая цепочка солдат с винтовками. Такая же цепочка солдат выстроилась и с другой стороны поезда. Солдатам, мне об этом сказали, был дан приказ: открывать огонь на поражение, если кто-то попытается бежать. Мне уже было известно, что на местный военный отряд возложены пограничные и таможенные обязанности. Офицеры еще в тот вечер жаловались, что на военных людей возложили чуть ли не полицейские функции, что оскорбительно для их чести. Вагоны явно нуждались в ремонте, о чем говорили выбитые стекла и облезшая краска на вагонах. Кроме обычных пассажирских вагонов, в конце состава было прицеплено несколько теплушек, в которых тоже ехали люди.

Машинист выглянул из своей будки, но спускаться не торопился, так же как и пассажиры, толпящиеся у окон вагонов. Все застыли в ожидании, пока, наконец, на перрон не вышел

хорунжий с двумя бунчужными и двумя десятками солдат. Махнул рукой, и только после этого проводники открыли двери вагонов и отступили в сторону, пропуская пассажиров. Не успели первые пассажиры ступить на платформу, как по другую сторону состава бухнул выстрел, за ним – другой. Вслед ему пронесся крик: «Стой!!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.